

Алексей Головлев

ВОИН БЕЗДНЫ

Эрван Гвент дважды обманывал смерть. На далекой горной заставе, во время нападения врагов, и на дуэли с адмиральским сынком. В будущем его ожидает враждебная магия, ему предстоит пережить боль и кровь абордажных схваток, голод, жажду и смерть товарищей. Одолеет путь через Бездну — и не отступит. Жребий брошен. Эрван Гвент, курсант Академии Морского Ключа принимает вызов. Легкий рейдер «Горностай» ложится на курс.

Будущее —

на острие меча

фантастика нашего тысячелетия

Алексей Головлев

Воин Бездны

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4614309

Головлев, А. Последний курс : Астрель, Астрель-СПб; Москва, СПб;

2012

ISBN 978-5-271-44675-7, 978-5-9725-2351-1

Аннотация

Эрван Гвент дважды обманывал смерть. На далекой горной заставе, во время нападения врагов, и на дуэли с адмиральским сынком. В будущем его ожидает враждебная магия, ему предстоит пережить боль и кровь абордажных схваток, голод, жажду и смерть товарищей. Одолеть путь через Бездну – и не отступить.

Жребий брошен. Эрван Гвент, курсант Академии Морского Ключа принимает вызов. Легкий рейдер «Горноста́й» ложится на курс.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	43
Глава 3	78
Глава 4	114
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Алексей Головлев

Воин Бездны

Пролог

Весна опаздывала. Леса на юге давно оделись в зелень, жители рыбацких деревушек, разбросанных от Багровой до Устья, успели подлатать истрёпанные непогодой крыши, заново осмолить лодки и выйти на ранний промысел. По высухшим трактам двинулись громоздкие повозки с ежегодной данью, а приказчики в Диаманте дружно сторбились над конторками, проклиная весну и подсчитывая убытки. Уже пробились на свет первые колоски яровой пшеницы...

А Морской Ключ терзали бури. Набухшие тучи ползли над ледяными равнинами фоморов, карабкались по горным склонам, переваливали через Хребет и серой чередой текли вниз, на город людей, зажатый меж скалами и кипящим морем.

Шквалистый ветер гнал волны в атаку на цепь береговых укреплений. Попав на мелководье, валы разгонялись, вырастали и всей мощью обрушивались на стены. Грохот бушующей воды был слышен повсюду: от гавани до застав, от верфей до крепости. В ночь на полнолуние океанский прилив затопил и размыл низкие молы. Сигнальные огни на отрезан-

ных от берега маяках погасли – впервые на памяти горожан.

Жизнь в гавани почти замерла. Даже отчаянные капитаны патрульных судов не решались выйти в море.

Город ждал.

К маю прогретый воздух юга начал теснить северные циклоны. Те уступать не желали – разыгралась последняя битва стихий, самая короткая и свирепая. Бури превратились в ураганы. Обледенелые пирсы, продуваемые шквалами улицы и площади будто вымерли: куда ни кинь взгляд – наглухо закрытые окна домов да слепые стены пакгаузов. Жители, сберегая остатки драгоценного масла, гасили огни в лампах. Вскоре город погрузился в бурлящую темноту: лишь тусклое мерцание церковных свечей пробивалось сквозь залепленные снегом витражи – в городском соборе денно и нощно молили Небеса о милости. Озябшие певчие тонкими голосами выводили гимны, то и дело вздрагивая от дребезжания стёкол в свинцовых переплётках.

Впервые за много лет гарнизон покинул форты: оставаться в каменных мешках с бойницами на океан не имело смысла – солдаты глохли и сходили с ума, не выдерживая непрерывного грохота волн. Да и от кого защищаться? Самый могучий флот, самый мощный десант не смогли бы в такую погоду угрожать береговой полосе.

Дни тянулись как годы: два, три, четыре... Неделя... Наконец ветер утих – в одночасье, словно по волшебству. «Никак смилоствивился Господь... Может, и весны дождёмся?»

– бормотали горожане, выползая из сырых домов.

Угрюмо порывкивающие напоследок тучи потянулись на север. Сквозь голубые прорехи выглянуло солнце – яркое и по-весеннему тёплое. От мокрых укреплений повалил пар, закрывая небо бледной дымкой.

Океан успокоился: грязно-бурая муть осела, вода обрела чистоту и прозрачность, переливаясь всеми оттенками сапфира. Волны лениво отступили, оставив на песке раковины мидий, устриц и морских гребешков. На мокрые пляжи высыпали дети: распахнув глаза от жадности и восторга, они копошились в полосе прибоя, споро наполняя корзины дармовой едой.

Домохозяйки в жилых кварталах, исхудалые и бледные, как тесто, выставили на воздух пузатые горшки с геранью. Корявые плети жимолости, карабкающиеся по гранитным стенам, дали новые побеги – клейкие и нежные, словно листья салата. Из-под фундаментов пробились цветки неистребимого утёсника.

В любом другом городе это означало приход весны. В любом... но не здесь.

Морской Ключ ждал. И готовился.

Тёплый воздух наполнился ароматом свежего хлеба. Будто навёрстывая упущенное за зиму, пекари трудились вовсю: ещё бы, день-другой... и в городе не протолкнёшься от едоков – только успевай готовить!

В порту пряный запах выпечки смешивался с копотью –

смолокурни работали днем и ночью, извергая густые столбы дыма. Тяжёлые, маслянистые, они будто издевались над весенним бризом, бессильным их рассеять. Бешеный стук плотницких топоров не утихал ни на минуту, смешиваясь с резкими окриками десятников: живей, живей, времени в обрез – если летняя эскадра к сроку не будет на плаву, со всех три шкуры спустят!

Хозяева трактиров сбились с ног: полгода их клиентурой были только окоченевшие стражники, заглянувшие на стаканчик... Зато теперь клиент повалил валом. Из окрестных деревень и городков шли каменщики, плотники, кожевники и ткачи... Широкий поток сезонных рабочих, проходя сквозь центральные ворота, распадался на ручейки и исчезал в недрах мастерских. Работы хватало всем: и чужакам, и местным – каждая пара рук была на счету.

Проснулись от зимней спячки и в портовых тавернах. Зимняя эскадра на подходе, две тысячи постояльцев... Чую скорую наживу, хозяева отскребали с дверей и ставен хлопья старой краски, подновляли вывески и фасады, устилали пол свежим камышом... попутно не забывая раздавать подзатыльники мальчишкам из прислуги. Те же, привычно растирая синяки, норовили сбежать при каждом удобном случае. От порта до Южного мыса пять минут – пустяк! А там, пока не хватились, можно глянуть хоть одним глазком: не белеют ли на юге лепестки парусов?

Но не им было суждено первыми увидеть корабли – маяки

успели раньше. На башенных венцах запылали гигантские костры. Свет их достиг самых отдалённых уголков залива, и рыбацкие лодчонки стаей поспешили к берегу, освобождая акваторию боевым судам.

Дни ожидания превратились в часы, а затем – в минуты. Хозяева захудалых кабаков и респектабельных офицерских кантин с одинаковым рвением наводили последний лоск. Широкоплечие подсобники, неуклюжие, с веснушчатými крестьянскими лицами, истово драили брусчатку.

«Брендан с юга, чуть-чуть осталось!» – переговаривались на бегу горожане, при каждой оказии бросая взгляды на гавань. И верно: бриз святого Брендана, защитника и покровителя моряков – дул сильно и ровно, с каждой минутой приближая долгожданные корабли.

По традиции, сначала в гавань веером зашли конвойные суда – быстрые и поджарые, словно гончие. Завидев авангард, на пристань повалили горожане. Всяк стремился одеться получше: и себя показать, и соседям нос утереть – разноцветные пятна одеяний, извлечённых из сундуков ради торжественного случая, превратили толпу в яркую, пахнущую зимней сыростью клумбу.

Последние, самые томительные минуты ожидания...

Наконец в порт величаво зашёл «Артур» – флагман зимней эскадры, краса и гордость флота. Притихшие зрители с почтением разглядывали высокие мачты, крепкие борта с позолотой, дюжину грозных камней на палубе...

Корабль, не подавая сигналов, направился к пирсу. В толпе послышались недоуменные шепотки.

– А почему не на буксирах? Неужто сами хотят? – спрашивали горожане.

– А то! Сами, конечно. Ветер попутный – справятся! – Матросы летней эскадры, вышедшие поприветствовать сослуживцев, расправляли плечи и победно оглядывали штатских.

– Знай наших!

Молча, быстро и чётко, словно не обращая внимания на встречающих, работал экипаж. На борту прекрасно знали – тысячи пытливых глаз наблюдают за каждым их движением. Стоит чуть смазать маневр, стыда не оберёшься – свой брат моряк ошибок не забывает!

Огромное судно приближалось осторожно, тихо, почти крадучись. Медленно, ещё медленнее, сажень за саженью...

К тумбам летят причальные концы...

Толчок! Лёгкий, едва заметный... И ликующий рёв толпы. Корабль замер у пирса.

– Знай наших!

Едва различимые в общем гомоне вопросы о семьях, здоровье, приглашения на стаканчик, поздравления и божба...

Эскадра вернулась домой, а значит – весна пришла в Морской Ключ.

Глава 1

Парировать было поздно.

Он едва успел заметить, как меч соперника скользнул вниз, краем глаза уловил движение по диагонали... А потом – боль! Внезапная, резкая, жгучая... Справа, чуть ниже рёбер. Кажется, он потерял сознание. Вот – увесистый клинок в потной руке, горячее дыхание, задор боя... А миг спустя – шершавые доски под щекой. Жёсткая рука на плече, тихий голос над ухом: «Ничего не хочешь сказать, кадет?» Длинная пауза. Секунды полной тишины и неподвижности – лишь неистово бьётся сердце да пульсирует кровь в висках. Затем... тот же голос, безжизненный и сухой:

– Что ж, Эрван... Воля твоя. Вставай.

Да что с Хлыстом сегодня? С ума он сошёл? Так и покалечить недолго! Эрван едва успел отшатнуться: меч наставника просвистел в дюйме от переносицы. Хоть клинок и деревянный – кто ж для учебного боя настоящее оружие выдаст! – а нос-то свой... По кускам собирать неохота!

Ещё удар, быстрый и точный – сверху вниз, по ключице.

Ну, уж нет! Не в этот раз...

Эрван увел меч противника в сторону, пригнулся и атаковал без замаха – длинным выпадом в голень. Хлыст с трудом парировал, едва не сложившись пополам. Рывком увеличил

дистанцию футов до десяти, встал на прямые ноги.

Правильно, господин наставник! Атаки снизу вы не любите – ещё бы, при вашем-то росте!

Эрван воспользовался мигом передышки. Смахнул пот со лба, кинул быстрый взгляд по сторонам.

Грязно-серые облака ползли над головой, едва не царапая огрызок учебной мачты: казалось, подпрыгни как следует, вытяни руки – и ладони погрузятся в мокрую – хоть выжимай! – туманную вату. На палубу упали первые капли дождя: редкие и тяжёлые, они с глухим стуком разбивались о пыльные доски грязными кляксами.

Только этого не хватало! И посуху-то шансов немного: руки у Хлыста длинные и сильные, просто так не пробьёшь... Надо соображать, и быстро – иначе на мокрой палубе Хлыст его просто искалечит.

Но за что?

Эрван исподлобья, не упуская из виду хищно покачивающийся меч в жилистой руке, посмотрел в глаза противнику: лицо Хлыста оставалось неподвижным, бесцветные, чуть на выкате глаза не выражали ничего.

Как обычно.

Чёрт! Будто шторы на иллюминаторах! Что на уме – чёрта с два разберёшь!

Эрван позволил себе улыбнуться.

«Ха! А ведь Хлыст сейчас гадает, что в башке у меня. Ну уж нет, господин наставник... Не стоит вам этого знать. Если

б...»

Усмешка Эрвана без внимания не осталась: Хлыст глубоко вздохнул, пожал плечами.

– Похоже, Эрван, тебе всё мало, – он перегнулся через фальшборт. – Эй, вы, там! Заснули?! Давайте – шесть-шесть, с полной амплитудой!

Снизу донеслось натужное пыхтение. В другое время Эрван бы посочувствовал бедолагам-однокашникам: в каморке под учебной палубой духота и темнота, кругом блоки да трюсы – не повернёшься толком... По морде пот струями, а ты качаешь тяжеленную платформу, пока руки не отвалятся! А если по шесть раз в минуту, ещё и до упора, как при сильном шторме...

Настил резко ушёл вправо – Эрван едва успел переместить центр тяжести, неловко закачался на опорной ноге... Хлыст перешёл в атаку. Он двигался с цепкой и экономной грацией паука, лёгкими пружинистыми шагами, будто потешаясь над рукотворной качкой. Эрван помимо воли восхитился наставником.

«Мне так уж точно никогда...»

Удар он прозевал. Даже не заметил, как меч наставника ударил по руке, лишь почувствовал острую боль в кисти, затем с недоумением услышал глухой стук падающего меча... И лишь тогда понял, что обезоружен. Забыв о поединке, машинально вцепился левой рукой в запястье правой. Сдуру зацепил свежую царапину, вскрикнул от боли...

Крен влево, неожиданный и резкий.

«За кого вы – там, внизу?! Тоже мне, однокурсники! Вас бы сюда!!!»

Эрван почувствовал, что падает. Неловко взмахнул руками, силясь восстановить равновесие... И захрипел: рука Хлыста ухватила за рубаху, стянула ворот, перекрывая воздух...

Лицо наставника совсем рядом – и пяти дюймов не будет.

– Я не враг тебе!

А глаза... куда делась их обычная невозмутимость? Теперь они тревожные, яростные и... умоляющие?

– Я знаю, – прошептал Эрван немеющими губами.

Тихий яростный шёпот:

– Не молчи, дурень! Дай помочь тебе!

Усталость ли тому виной, авторитет наставника или подступающее удушье... но Эрван помедлил несколько мгновений, прежде чем прошептать:

– Нет.

Он не помнил точно, как оказался у фальшборта – может, Хлыст отшвырнул? Или просто крен был сильный? Кажется, он не удержался на ногах, покатился по скользкой палубе – и приложился головой о дубовый шпангоут... Или нет?

Одно он запомнил точно: горящие от бешенства глаза Хлыста и свистящий шёпот возле уха: «Не пришлось бы тебе жалеть, парень... Но тут уж не я виной!»

Когда платформа наконец замерла, Хлыст протянул руку:

рывком помог встать, крепко ухватил за плечо. Как ни был измучен Эрван, его поразила очередная перемена в наставнике: ярость, бешенство и тревога исчезли, словно и не было их, – теперь лицо Хлыста выражало лишь грусть.

– Я давал тебе последний шанс, Эрван Гвент: теперь дам последний совет. Что бы ты ни задумал – не делай этого!

* * *

– Таким образом, в надлежащих условиях вычисление курса производится дважды...

Дребезжащий голос лектора растворялся в полусонном жужжании класса: кое-кто из кадетов по старой привычке ещё царапал пером, но большинство даже не утруждалось показать, что слушает.

Само собой... Если экзамены отменили – какой смысл в этих дурацких занятиях? Через неделю так и эдак всех в матросы – палубу драить. Лучше б гульнуть дали напоследок!

Эрван осторожно заёрзал на жёстком сиденье. Поморщился с досадой – каждое движение отзывалось ноющей болью в спине и пояснице.

Ай да Хлыст! Мало того что перед всеми как птенца отделал... Так потом заставил на пару с Конюхом платформу раскачивать... Когда наверху сразу две пары топчутся!

Эрван погладил больную кисть. Недовольно поморщился. Что с Хлыстом сегодня? Искалечить его собрался? Вряд

ли – окажись Эрван на больничной койке, да ещё накануне выпуска, Хлыста первого по головке не погладят. Или всё-таки... На то и был расчёт? Если б он, Эрван, оказался в лазарете, значит, вечером ни драки, ни возможного отчисления, а то и чего похуже...

Он едва не присвистнул. Почесал затылок здоровой рукой, еле слышно вздохнул.

Если так... выходит, наставник сам нарывался на неприязности, лишь бы вытащить ученика из беды. Беды, о которой сам Хлыст и не знал толком, лишь догадывался – с чего бы ему иначе спрашивать?

Эрван облизал внезапно пересохшие губы.

Конечно, драку надолго не скроешь... Сегодня знают двое – завтра все. Да и Бриант, конечно, всё разболтал своим холопам – уж этот не упустит раструбить, как сегодня вечером пересчитает рёбра наглому выскочке.

Чёрт! Если Хлыст почуял неладное... Ему всего-то и надо: зайти в «уголок» после отбоя и взять обоих тепленькими! Бриант выкрутится, конечно, – как же, с таким-то папашей! Да ещё будет горланить на каждом углу: у Эрвана, мол, кишка тонка – как до дела дошло, мигом прибежал к наставнику жаловаться. Чего ещё ждать от дикаря с горной заставы!

Эрван ссутулился, чувствуя затылком ненавидящий взгляд будущего противника.

Недаром сегодня позади сел, гад! Обычно-то его с переднего ряда не вытащишь. Как же, галёрка не для белой кости!

Ну ладно, Бриант, сверли глазами, если нравится, – всё равно дырку не провертишь! По крайней мере до ночи. А там посмотрим, кто кого. Лишь бы не сорвалось!

Оскорбление свежей занозой сидело в памяти – Эрван ощутил, как из глубины естества поднимается жаркая волна гнева. Он несколько раз вздохнул, глубоко и размеренно.

«Рано, парень! Вот когда начнётся, пожалуйста... А сейчас не стоит. Еще перегоришь раньше времени».

Медленным, нарочито скучающим жестом он повернулся к окну. Хмыкнул, глядя на частые капли дождя, ползущие по стеклу. Нахмурился: «А вот ливень некстати... Если к ночи не утихнет, прости-прощай луна! Как тогда драться, куда целить – в темноте и морду не разглядишь! Ладно, авось перестанет: майские дожди здесь не те что у нас – вот в горах на несколько дней зарядить может. А тут – пару часов, и всё. Если повезёт, даже земля подсохнуть успеет. Время есть – больше чем хотелось бы...»

Он провел ладонью по гладкой, отполированной множественном рук крышке парты. Сколько раз он так делал за четыре года? Усмехнулся: кто ж теперь сосчитает... Зато ясно: этот последний.

Пальцы привычно ощутили зарубки старых надписей, оставленных курсантами неизвестно когда. Вот одна, размашистая, с угловатыми буквами: «От рассвета до заката скоро буду спать, ребята. Бывайте!»

Ясно, это будущий абордажник постарался: эти и от зака-

та до рассвета службой не утруждаются – что им делать-то на судне, пока моряки вкалывают? Интересно, где-то он сейчас? Топчет палубу или давно на дне морском?

Так, что там дальше? Вот надпись на ребре, мелкая – пальцами читать сподручней, чем глазами: «Слева рифы, справа мели – рыбы хорошо поели!»

Эрван скривился: штурманский юмор и так на любителя – мрачнее только судовые врачи шутят... а сейчас, накануне поединка, давно знакомая надпись показалась ему зловещим предзнаменованием.

Ветер с шумом хлестнул по окнам, обдав стекла водяной крошкой. Чадающие фитили в масляных плосках дружно заколыхались от сквозняка.

Лектор повысил голос:

– Если осуществить прямые астрономические наблюдения не представляется возможным, следует...

Да пропади ты пропадом!

Эрван с трудом подавил желание зажать уши.

Как будто специально нудит, отвлекает... Дел у него других нет? А ему, Эрвану, ещё секунданта искать, между прочим!

Эрван уныло оглядел ряды бритых затылков, прислушался к перешёптыванию с передних рядов... нет, не разобрать. Наверно, ему кости перемывают, кое-кто уже наверняка ставки делает! И вряд ли на него.

Эрван стиснул зубы.

Рано, парни! Рано. Хоть Бриант и здоровяк, хоть и привык волю кулакам давать... А всё ж серьёзная драка – это вам не на учебной платформе деревяшками махать!

Эрван нехорошо улыбнулся, чуть слышно пробормотал: «Нет, дружочек! Крови своей ты ещё не видел и боли настоящей не знал – ничего, скоро я это поправлю. К утру тебя родной папаша не узнает!»

Эрван осёкся, сдвинул брови. Что есть силы ущипнул себя за руку.

Размечтался, идиот! Дуэль-то ещё не выиграна! Да и потом... неизвестно, чем это всё отольётся – как бы не слезами. Ведь предупреждал его Хлыст, как там: «Что бы ты ни задумал – не делай этого?»

Эрван прикусил губу. Задумчиво поскрёб затылок.

М-да... А может, стоило Хлыста послушать? Он ведь слов на ветер не бросает. Вдруг наставнику известно что-то, о чем он, Эрван, знать не знает? И лезет прямо в расставленную ловушку?

Эрван поёжился, с трудом подавив желание обернуться: «Эх, дорого бы я дал, Бриант, чтобы сейчас в глаза тебе посмотреть! Интересно, что же ты удумал, подлец, а?»

– Песчаные берега к северу от Устья подвержены сильным воздействиям приливо-отливных течений, вследствие чего конфигурация мелей изменяется ежегодно. Для картографа...

Опять!!! Когда ж он заткнётся, мухомор плешивый?!

Плюнув на приличия, Эрван оперся локтями о стол, закрыл уши ладонями... И почувствовал, как задрожали пальцы: мелко, часто и противно – будто и не его вовсе!

«Трусишь? А где ты раньше был, герой? Когда Хлыст помощь тебе предлагал?

Если и был у тебя шанс – ты его упустил, дурень. А теперь не ной, лучше башку в порядок приведи – больше толку будет!»

Выволочка самому себе подействовала как обычно: мало-помалу возвращались спокойствие и уверенность в себе – даже настроение как будто улучшилось. Он снова перевел взгляд на сокурсников: без помощи Хлыста он как-нибудь обойдётся... но один помощник всё-таки нужен. Вспомнить бы – для чего?

Эрван сердито сдвинул брови. Затем размашисто, от души хлопнул по лбу.

Наткнулся на удивлённые взгляды, мигом ощутил, как проступает румянец на щеках... Смущённо уставился в пол.

Ну что за идиот! Драка уже в полночь – а он до сих пор без секунданта!

Повинуясь резкому окрику преподавателя, кадеты бросились царапать перьями по бумаге, изображая величайшее усердие: Эрван заметил – кое-кто аж языки повысовывал.

М-да... Из кого тут выбирать, а? Народу на курсе много, и Брианта не любит, считай, каждый первый... А толку?

«Может, Хлыста попросить? – Эрван слабо улыбнулся. –

А что, чем не секундант? Уж за ним точно – как за скалой! А возраст и положение секунданта правилами не оговорены. Пусть Бриант, если хочет, хоть папашку своего на буксире тащит!»

В мозгу мгновенно возникла картинка: ловкий, поджарый Хлыст и седой хромоногий адмирал дерутся по уши в грязи, отчаянно поливая друг друга бранью.

Эрван спрятал в ладонях лицо. Тихо хихикнул.

Да уж! Дорого бы он дал, чтобы посмотреть на такое: да вот не судьба. Хотя дверь в кабинет Хлыста всегда открыта, только зайди, повинись и признайся... Может даже, Хлыст и согласился бы: расскажи Эрван, как всё было, – и паршивцу этому точно не поздоровится!

Эрван на миг зажмурился.

Вот он стоит с руками на груди, а рядом – Хлыст! На лице – обычная сухая улыбка, от которой иногда кровь стынет в жилах. Представил себе гримасу на морде противника и едва не расхохотался.

Да, вот это был бы номер! Жаль только, что всё это останется мечтами: никому-то он ничего не расскажет – лучше там, на месте, от стыда подохнуть, чем кляузником прослыть.

И Бриант отцу трепаться не станет – он хоть и сволочь, но не слабак. Да и чего бояться-то – уж его точно из академии не турнут! Зачем ему срывать поединок? Клеймо труса – это на всю жизнь! И на флоте таких не любят... Оно ему надо?

Тогда что ж он, гад, ходит такой довольный? Не может он считать Эрвана лёгкой добычей – не вовсе же придурок...

Он стиснул зубы: «Нет, Бриант, ты что-то другое задумал. Знать бы ещё – что!»

Эрван повернул голову вправо, затем влево: соседи с удивительным единодушием что-то писали: не то письма домой, не то сдуру делали заметки по картографии. На Эрвана вроде и не смотрел никто, но ему показалось – со всех сторон его царапают осторожные косые взгляды.

Эрван усмехнулся.

Ну да. Все всё знают, но никто к нему не подойдёт и слова не скажет. Кому охота связываться с адмиральским сынком, рисковать жизнью и флотской карьерой? Ищи дураков!

«Ну один всё-таки нашёлся!» – прозвучал ехидный голос в глубине черепа.

Эрван ухмыльнулся.

Пусть так. В любом случае, жалеть поздно. И отступить поздно. Если, кроме него, дать урок подлецу некому – ладно. Он всё сделает сам. А дальше – будь что будет!

* * *

Как всегда, перед открытой дверью Эрван остановился. И как всегда, на миг зажмурился – дым от самых дешёвых, отсыревших за зиму дров разъедал глаза почище лука. Стараясь дышать как можно реже, пока ноздри не привыкнут к

смеси горелого дерева, сырости и несвежей одежды, он добрался до своего гамака – третьего по левую руку. Сел на рундук – единственную мебель в нераздельной собственности кадета. Мельком глянул на клепсидру у входа: до встречи с Бриантом еще шесть часов – времени прорва и деть некуда...

От нечего делать начал оглядывать помещение.

Трюм, трюм... И с чего его так называли? Казарма, она и есть казарма – разве что вместо коек гамаки, да камень стен укрыт сосновыми досками: старыми, давно расслоившимися – потёки смолы бог весть какой давности вот-вот превратятся в янтарь. Только в торцах, рядом с каминами, голую кладку ничто не прикрывало: говорили, что доски спалили особо холодной зимой, ещё до Эрвана. И пол не деревянный, как на кораблях или, скажем, в привычных домах на севере, а из плит – мыть-то его проще, понятное дело... Зато в холода, да с утраца, как с гамака спрыгнешь – аж ступни крочит!

Эрван улыбнулся: так или иначе, а ему до этого уже дела нет! Всего-то пять дней потерпеть. Офицерские скулят, жалуются: как же, поступали сюда – думали с кадетской скамейки сразу в начальство прыгнуть – а вот вам! Годик в матросах не желаете? А нам, пришлым, всё равно. В матросы так в матросы: работой нас не испугать, да и хуже чем здесь не будет. А офицерский мундир... да подождет годик, куда денется...

Пять дней, листок с назначением в руки – и прости-про-

щай, академия! Век бы тебя не видеть...

Эрван сердито нахмурился. «Опять мечтаешь, парень? Потом будешь – если до утра цел останешься! Думай сейчас – ночью поздно будет!»

Он прищёлкнул языком. Вздыхнул.

«Ну, до первой крови он вряд ли согласится: знает, что я быстрее – разобью нос, как сливу, прежде чем он в стойку встанет. Так? Так!»

Эрван в задумчивости кивнул сам себе, не замечая косых взглядов.

«Ладно, значит, „до лежачего“ ... Это хуже.

Во-первых, в долгой драке у меня шансов меньше – он же здоровый, как боров. Рано или поздно повалит, и тогда... Может и до полусмерти запинать, если секундант оплошает!»

Секундант!

Эрван звонко хлопнул себя по лбу: ну не дурень, а? Полдня думал – чего-то недостаёт: а на самом деле не чего, а кого.

«Вот что значит: все одному да одному: четыре года сам по себе проболтался, а как до дела дошло – даже и не вспомнил, что помощь нужна», – Эрван клятвенно пообещал себе, что если он выберется из этой паршивой истории, то обязательно станет внимательнее относиться к людям... Потом сообразил, что это выглядит попыткой подкупить судьбу. Совсем запутался и наконец разозлился. На дурацкий ку-

лачный бой где-то на задворках, грозивший окончиться карцером, если не исключением; на Хлыста, дающего дурацкие советы, которые ну никак не выполнить, даже если и захочешь; на однокурсников, трусливо прятывших глаза, когда Бриант унижал их... Но больше всего на себя.

«Спокойно, парень! Остальные-то в чём виноваты? В конце концов, в лицо оскорбили тебя, а не их! И подставился ты, а не они: сам предложил бой по кадетским правилам – вот и расхлебывай!»

Эрван встал. Потянулся до хруста, разминая суставы. Мельком отметил боль в затёкших мышцах. Глянул на правую руку, что так неудачно приняла удар Хлыста: запястье опухло, мало-помалу обретая глубокий бордовый оттенок. Морщась, он поворачивал кистью: вроде ничего, жить можно – лишь бы к полуночи хуже не стало.

Покачал головой: «Эх, наставник! Знаю, вы хотели как лучше – а выходит, подыграли моему противнику».

– Ди-и-карь... А-а Дикарь...

Осторожный толчок в плечо.

Эрван улыбнулся: наверняка Свисток! Кто ещё умудряется так растягивать слова? Вот же: столько лет вдали от родного Устья – а родной говор так и не вытравил. И наказывали его, дурня, и смеялись... Не помогло.

– Ну чего тебе?

Вопрос прозвучал грубовато, Свисток поднял на Эрвана обиженный взгляд. И без того влажные глаза наполнились

слезами, ещё чуть-чуть – и хлынут потоком. Эрван ощутил укол совести: и так парню несладко, а ещё он тут злость сры-вает.

– Прости, Туди. Задумался – мысли дурные лезут...

– И правильно лезут, – Свисток кивнул, белый вихор на затылке качнулся в такт.

Эрван с трудом подавил улыбку: «Маленький, тощий, на башке хохолок – почему его воробьём не прозвали?»

Потом сдвинул брови, сказал чуть громче, чем хотел:

– Что значит «правильно»? Говори, раз начал.

– Не здесь, – Свисток махнул рукой в сторону стола у ка-мина, где на полированных клетках расположились готовые к бою фигуры. – Сыграем?

– В «римлян»?

Настольные игры Эрван любил с детства – что ещё делать долгими вечерами на заставе, когда перевал заносит снегом? Но сейчас... не хотелось. Не до того. Он испытующе воззрил-ся на приятеля, пытаясь прочесть в по-детски ярких глазах скрытый смысл. Вздохнул.

– Ну что ж, пошли... раз надо.

Отряд легионеров выдвинулся с правого с фланга: Эр-ван привычно выставил своих воинов, прикрывая кортеж во-ждя. Первая атака врага была неудачной: две чёрные фигу-ры смахнули с доски, и у белых появились свободные клет-ки. Эрван довольно усмехнулся: путь до края, где зеленела

клетка убежища, вождю предстоял непростой... Однако же начал хорошо!

– Ну? Что сказать-то хотел?

Свисток молча отмахнулся: позже, мол. Передвинул чёрную фигурку, закрывая путь. Эрван пожал плечами и с головой погрузился в игру.

У стола появился Конюх. Глянул, как с каждым ходом тают силы на доске. Саркастически усмехнулся и отправился восвояси. Арзур-длинный, как всегда, полез было с советами, но быстро заткнулся и отчалил, наткнувшись на ледяные взгляды.

Больше игроков никто не беспокоил.

– Секунданта у тебя не будет.

– А?!

Увлеченный игрой Эрван не сразу понял: Свисток наконец решился на серьёзный разговор.

Повисла долгая пауза. Эрван переваривал услышанное, Свисток рассеянно вертел «убитую» фигуру, не отрывая взгляда от стола.

«Не будет, значит... Интересненько. А самое интересное: как же я, болван эдакий, опять умудрился забыть о секунданте? В который раз за день!»

Эрван прогнал эту мысль, дав слово вернуться к ней позже: подобная забывчивость вообще была ему не свойственна, а уж накануне поединка, который грозил увечьями, казалась и вовсе невообразимой.

– Угу. Вот как. А с чего ты в этом уверен? – По кадетской привычке он перешел на глухой полушёпот: таким манером часто переговаривались во время лекций – соседу всё слышно, а отойди фута на три – ничего, только губы шевелятся.

– Бриант со своими холуями ребят обработал. Пока ты с Хлыстом на платформе воевал. И до того... И потом тоже.

– Хм.

Эрван в задумчивости тронул подбородок. Искоса оглядел однокашников. Вроде всё как всегда: кто-то, раздевшись до пояса, штопает бельё; кто-то роется в книгах – и зачем? – всё равно экзаменов не будет... У входа один отвешивает другому звонкие щелчки по носу – Эрван мельком посочувствовал неудачливому спорщику.

Громкая, будто висящая в горелом воздухе разноголосица: напевный диалект Устья, с растянутыми гласными, как у Свистка; резкая, лающая речь северян; гортанный выговор парней с юга – что ни клан, то своё произношение...

Эрван покачал головой: все такие непохожие – и все свои! Ведь положение у них одинаковое: никому здесь не нужные пришельцы, узники душных казарм. Предмет насмешек местных и жертвы их спесивой гордости...

Эрван почувствовал, как внутри закипает обида пополам с яростью: как они могли струсить и предать своего? Единственного на курсе, готового ответить ударом на удар?! Он ведь сегодня ночью будет драться не только за себя! И за них тоже – неужели не ясно?

– Не кипятись, Эрван. Ребят понять можно.

Свисток заговорил быстро и сбивчиво, не отрывая смущённого взгляда от доски – будто сам был в ответе за остальных.

– Бриант пообещал: если кто с тобой сегодня пойдёт – с академией может распрощаться. А кому здесь это надо? Сам понимаешь, несколько дней – и в море. Ещё годик потерпеть, и офицерский патент – вот он! Сам же понимаешь, что это значит, – не за тем ли и ты шёл?

Свисток опустил плечи, застыл над доской, словно обдумывая ход. Продолжил еле слышно – Эрвану пришлось наклониться, чтобы разобрать слова:

– А Бриант... Что Бриант? Жизнь из-за него ломать? Несколько дней и потерпеть можно...

Белый воин оказался между двумя чёрными – Эрван без сожаления, почти не глядя смахнул его с клетки. Тяжело облокотился на доску, подперев руками внезапно отяжелевшую голову. Невидящими глазами уставился в бело-зеленый узор квадратов...

«Римляне»... Сколько ж им лет? Тысячи, наверное...

И точно родом не отсюда: где ещё найдешь игру, основанную на изначальном неравенстве сил? Шестнадцать чёрных фигур, шестнадцать легионеров, а против них – кельтский вождь да восемь охранников свиты. И выиграть надо по-особому: доведёшь вождя до спасительного убежища – и вот она, победа!

Привычная доска, привычная задача... Тогда почему он толком не думает об игре, а сочувствует деревянной фигурке, окружённой врагами?

Он горько усмехнулся: «Я совсем как этот вождь – бреду куда-то, спотыкаясь... И чем всё обернётся – неизвестно!»

Он раздражённо хмыкнул: опять не о том! Наморщил лоб.

Так, на чем они остановились? Вроде Свисток говорил ему что-то важное, потом он обиделся на кого-то... Что же такого важного?

– Но я готов, Эрван. Только скажи. Буду секундантом – и плевать мне на Брианта!

Свисток выпрямился, расправил плечи. Гордо вскинул подбородок, с вызовом глянул на Эрвана.

Секундант?.. Что за...

Эрван непонимающе уставился на Свистка... Неожиданно глаза защипало, контуры доски размылись, лицо сокурсника превратилось в размытое пятно с парой голубоватых клякс.

Эрван ошалело замотал головой – не помогло. Замер, прикрыл лицо ладонью, сделал предупреждающий жест другой: не мешай! Свисток покорно умолк: оставалось только гадать, каких трудов ему это стоило.

– Твой ход.

Эрван машинально передвинул своего воина на клетку вперёд. Отрешенно посмотрел, как чёрная фигура выросла справа от вождя.

– Через два хода тебе мат, Эрван. Согласен?

Он рассеянно кивнул в ответ, затем буркнул:

– Продолжаем.

До игры ли сейчас? Но пока она идёт, есть шанс собраться с мыслями. Эрван часто-часто заморгал, что есть силы принялся тереть виски. Помогло не сильно: казарменный гул, такой привычный и незаметный ранее, словно усилился, эхом отдавался в голове, мешал разобраться с обрывками мыслей.

– Так я готов с тобой пойти. И плевать мне на Брианта и его дружков, понял? – Свисток повысил голос, кадык на тощей шее завибрировал, казалось, ещё чуть-чуть – и он сорвётся на крик.

Эрван успокаивающим жестом поднял ладони.

– Потихе, ладно? – оглянулся на ряды гамаков – слава богу, в их сторону пока никто не смотрел. Помолчал с минуту, задумчиво глядя в умоляющие глаза. С грустью покачал головой.

– Нет, Туди. Тебе как раз и нельзя, – он продолжил быстрым шёпотом, не давая себя перебить. – Если из академии вышибут, как домой вернёшься? Тебе ж отец башку открутит!

Свисток угрюмо потупился: видно, память о тяжёлой руке папаши не стёрлась за четыре года. Затем поднял голову, упрямо выпятил челюсть.

– Не-а! Ну побьёт, конечно, подумаешь... Сил уже нет терпеть, Эрван! Ну возьми с собой, а? Я не струшу, ей-богу

– чем хочешь клянусь!!!

На миг Эрван заколебался: Свистку от Брианта с дружками доставалось больше всех – подонки, даже сбившись в стаю, даже чувствуя силу и уверившись в безнаказанности, всегда предпочитают издеваться над слабейшим. Неудивительно, что парень цепляется за малейшую возможность отомстить. И бесполезным он не будет: конечно, драчун из Свистка аховый, но он сможет хоть на помощь позвать, если Бриант задумал какую-то подлость.

Если... Не если, а наверняка – слишком довольным выглядел сегодня Бриант! И улыбочки ещё гаже обычного. Всю картографию просидел за спиной – и ни одной подколки... Не к добру! Да, подмога была бы кстати...

Эрван тяжело вздохнул.

Вот только Свистка взять он с собой не мог. Вот не мог – и всё тут! И без толку говорить самому себе, что парень уже почти взрослый, сам всё решил... И что Эрван не просил даже и правил никаких не нарушает, что писаных, что неписаных...

«Если я прикроюсь слабейшим – стану таким же, как они».

– Нет. Спасибо, Туди. Ты мне и так здорово помог, правда! Остальные трусили, а ты – нет. Благодаря тебе я хоть настороже буду – тоже немало.

Он улыбнулся, надеясь, что выглядит уверенно и смело.

Свисток не ответил на улыбку. Произнёс тихо и серьёзно:

– Берегись, Эрван. Затеваешься что-то очень нехорошее – голову прозакладывать готов. И тебя, дурака, жалко... А главное – я очень не хочу, чтобы Бриант победил.

Он кивнул на доску, где белая фигура беспомощно застыла среди чёрных.

– Тебе мат.

* * *

Остаток вечера Эрван провёл, бесцельно меряя шагами пустые коридоры. После заката учебный корпус будто вымер: все наставники уже были в соседнем здании, где днём и ночью готовился к экзаменам старший курс. Через несколько дней пятикурсникам предстояло стать морскими офицерами и получить первые в жизни назначения – неудивительно, что всё внимание начальства было приковано именно к ним.

Эрван опять с лёгким удивлением осознал, что совсем не завидует старшим: да, после четырёх лет в академии ему с товарищами предстояло год оттрубить простыми матросами, вместо того чтобы до следующей весны греть задницы в аудитории, – ну и пусть! Зато, может, хоть там, в открытом море, будет настоящая жизнь.

Он встал у ближайшего окна, высокого и узкого, с массивным свинцовым переплетом. По кадетской привычке оглянулся – ну как наставник поблизости? Затем вскарабкался на высокий подоконник. Посмотрел на мельтешащие тени в

окнах напротив.

Горько усмехнулся: «Нет, парень. Ты потому не завидуешь, что есть дела поважнее. Кто офицер, а кто матрос, будет ли на флоте жизнь или нет – тебе сейчас не до того. Потому что твоя жизнь сегодня может закончиться».

Эрван помотал головой, сердито и упрямо, словно бык, которого одолевают слепни.

Какая ещё смерть? О чём он – сдурел, что ли?! Обычная драка – только и всего...

Он легко спрыгнул на пол – старые доски едва скрипнули. С тихим сопением – ржавые петли никак не желали поддаваться – распахнул створки. Вдохнул теплый майский воздух.

Дождь прошел, ветер почти стих, и в вечернем сумраке разлился аромат луговых цветов и хвои.

«С предгорий, не иначе... – Эрван почувствовал, как потеплело на душе. – Вдохнёшь – и жить хочется».

Опять эти дурацкие мысли... Гнать их, гнать!

Издалека донёсся слабый гул ночного города. Эрван до пояса высунулся из окна, рискуя черепом проверить на прочность булыжники внизу. До хруста вывернул шею, сляясь разглядеть разноцветные огни на центральных улицах... нет, слишком далеко – только желтоватое марево в стороне порта напоминало о том, что кто-то где-то беспечно гуляет, не думая о ночных драках, боли и опасности...

Слабое дуновение коснулось разгорячённого лба, донеся

аромат хлеба и тушёного мяса из харчевен за стеной. Предательски заурчало в животе: Эрван с тоской подумал о набивающих утробу однокурсниках – во-о-н там, с другой стороны плаца...

Скривился.

Ну уж нет, перед дракой лишнюю тяжесть в брюхе таскать – увольте! Пусть лучше эта скотина нажирается: небось в городе сейчас гуляет, с друзьями своими...

Эрван ощутил укол зависти: после занятий детки из офицерских семей расходились домой, по тёплым постелькам – а горемыкам вроде Эрвана не светило ничего, кроме огороженной территории да гамака в стылой казарме. Ничего, Бриант, – посмотрим, как обрадуется твой папаша, когда ты десяток синяков домой принесёшь!

Внезапно Эрван ощутил, как неведомая сила подтолкнула его сзади: мягко и едва ощутимо. Она походила на слабый порыв ветра или сквозняка – словно кто-то невидимый открыл дверь за спиной. В другом положении он бы и внимания не обратил – но не сейчас.

Тело наклонилось, живот заскользил по мокрому подоконнику. Ноги отчаянно задёргались, молотя воздух в поисках опоры...

Ему помог ставень: древний и ржавый, он выдержал-таки невеликий вес Эрвана.

«Молодчина! Был бы ты человек, отблагодарил бы...»

Еле зацепившись кончиками пальцев, силясь не думать

о бездне под ногами, Эрван начал раскачиваться, постепенно увеличивая амплитуду... Ухватился за подоконник одной рукой, перебросил вторую... Подтянулся на дрожащих руках, перевалился кое-как... И кулём рухнул на пол – ноги оказались держать ватное тело. С недоумением уставился на фаланги пальцев – кровь на них в сумерках казалась чёрной.

«Вот так так... И как я умудрился? – он вытер испарину со лба. – Эдак и до ночи можно не дотянуть – вот Бриант обрадовался бы!»

Эрван скорчился в позе личинки, напряженно всматриваясь в черный тоннель коридора. Слух его обострился, и ему показалось, что к обычным звукам майского вечера примешивается что-то ещё: непонятное и оттого пугающее.

«Не то шаги, не то шелест...»

Эрван почувствовал, как на голове шевелятся волосы. Он медленно встал. Обернулся: никого и ничего.

«Да что же это, чёрт возьми?» – Эрван осёкся: только чёрта поминать сейчас не хватало!

Он осторожно встал рядом с окном, прислонился к стене – хоть спина прикрыта! Застыл, стараясь выдоха лишнего не сделать.

Тихо.

«Думай, парень, думай!» – голова соображать никак не желала, зато резко проснулась память: события дня промелькнули перед Эрваном, яркие, подробные и цветные – как на детской картинке. Вот Хвост пытается его предупре-

дить о неведомой опасности; вот он, Эрван, сидит на картографии и занимается чем угодно, кроме самого важного – выбора секунданта... Вот он в казарме, Свисток предупреждает его о трусости остальных – а он, Эрван, даже и не вспомнил, зачем ему помощь!!!

От предчувствия близкой разгадки Эрван напрочь забыл о страхе.

«Шевели мозгами, парень!!! Почему весь день, стоило мне подумать о секунданте, мысль все время куда-то перекакивала? Я что, дурак? Или себе враг – от союзника отказываться? И главное: лишний свидетель не помешает – мало ли что у этой гадины на уме! А если с головой и памятью всё более-менее в порядке, то выходит...»

Эрван сглотнул.

Вывод напрашивался сам: очевидный и страшный.

Неужели... Бриант осмелился прибегнуть к услугам колдуна? Конечно, денег у него и не на такое хватит – но риск?

Если это вскроется, хватит ли власти даже у адмирала, чтобы уберечь сыночка от тюрьмы, а то и петли?

Эрван помотал головой.

Невероятно! Ради драки, которая грозит десятком синяков, в худшем случае парой-тройкой переломов, – рисковать свободой, а то и жизнью? Быть не может!

Однако внутренний голос утверждал обратное.

Может!

«И ведь как складно выходит, – подумал Эрван с брезгли-

вым отвращением. – Есть ли у Брианта возможность найти колдуна? Конечно – он же у себя дома, наверняка знает, где что в городе и почём... И колдуны там наверняка есть. Мало ли что за ворожбу смертная казнь – как его поймаешь? Тем более в самом крупном порту севера... Кто только в Морском Ключе не ошивается, пойдй уследи за всеми...»

Но если Бриант пошёл на огромные расходы, не испугался тюрьмы и смерти... Значит, игра пошла всерьёз.

«И ставка в ней – не пара синяков, парень, не обольщайся» – мрачно заключил Эрван.

Жизнь.

Но почему?! Из-за обычной ссоры?

Эрван усилием воли подавил эмоции: ужасаться или радоваться можно и потом. Если это «потом» всё-таки будет.

А сейчас надежда только на разум.

«Брианта с дружками пока оставим – до полуночи. А вот с ворожкой надо разбираться прямо сейчас, а то драться некому будет».

Эрван уже почти не сомневался: только что он пережил настоящее покушение.

«Допустим, я прав, – напряженно размышлял Эрван. – Подонок нанял колдуна: чем это мне грозит?!»

Он медленно повел головой вправо-влево, до рези в глазах всматриваясь в черноту: что вынырнет оттуда? Чего ждать? Чего опасаться?

Ну-у... Громы и молнии колдун метать не станет – только

шаманы нордов на такое способны. И лиана из стены не вытянется, вокруг горла не завьется – это про фаэри болтают. Людям до них в колдовстве – как мухе до ястреба!

А всё-таки и людская волшба небезобидна.

Эрван вспомнил долгие зимы на родной заставе: солдаты возвращались с дозора, тянули к огню озябшие руки, давились горячим пойлом, а потом, разомлев от тепла, рассказывали истории о волшебниках, говорящих волках, о дамах озера, белокожих и прекрасных как феи...

Эрван затряс головой: «Опять не о том думаю! Вроде и о том, а будто рядом с мыслью прохожу – и никак не ухватишь!»

Эрван беззвучно расхохотался.

«И ведь точно! Вспомнил, наконец! В том и суть колдовства людей: с правильных мыслей сбивать, голову туманить... И ничего опаснее людям просто не дано».

От сердца отлегло: по крайней мере неведомого ужаса, готового выскочить из темноты, бояться не стоило.

Больше того, Эрван уже не сомневался: теперь к нему вернутся и память, и способность здраво рассуждать – ведь атака колдуна опасна лишь тогда, когда жертва о ней не знает!

Уже легче...

Ладно, допустим: самое время сообразить, чего добивается Бриант. И самое главное – как?

С первым вопросом всё более-менее ясно: подонок желает Эрвану смерти – как иначе объяснить внезапное нападение?

И ведь почти преуспел, сволочь... И ещё: не добившись цели сейчас, Бриант не отступит – слишком далеко зашёл. Вопрос один: как он собирается это осуществить?

Эрван поджал губы, спокойно и деловито оглядел двор – камни внизу тускло блестели под разгорающимися звёздами.

Мокро... Это плохо. И высохнуть не успеют – поздно уже. Ладно, учтём.

Он с опаской высунулся чуть дальше – ещё раз играть в акробата не хотелось. Попробовал заглянуть за угол... И не увидел ничего, кроме чернильной темноты меж стеной и высокой каменной оградой.

Кивнул с мрачным удовлетворением..

Да. Место удачное – недаром долгие годы оно верно служило кадетам для выяснения отношений. И не разглядишь толком ниоткуда, и каменный мешок звуки гасит...

Место хорошее... У него только один недостаток – его выбрал Бриант. Почему? Академия большая, «уголок» не единственное место для подобных целей – и даже не самое популярное...

Эрван нахмурился, собираясь с мыслями.

«Придётся тебе побыть Бриантом, парень. Противно, а ничего не поделаешь! Что бы ты сделал на его месте?»

Эрван поморщился. Тяжело вздохнул и закрыл глаза: «Итак, я сын адмирала, с детства привыкший к тому, что офицерское звание – для избранных. От горничных и лакеев я слышал одно – „чего изволите?“. И даже не рассматривал

их толком – что обращать внимание на смердов...

И вдруг оказывается, что в академии, на одном со мной курсе – сыновья тех, кто в моем доме полы моет и подушки взбивает!

Мыслимо ли терпеть это? Нет, надо показать холопам, где их настоящее место! И делать это постоянно, чтобы не забывали!»

Эрван отвлёкся на миг, представив брезгливо-напыщенную физиономию врага. Затем кивнул сам себе, не открывая глаз: кажется, он мыслил верно.

«И вдруг – один из холопов, этих жалких червяков, осмеливается поднять голос! И не просто голос – руку!!!»

Эрван ощутил, как его захлёстывает чужая ярость.

«Какое наказание для наглеца? Драться с ним по правилам? Много чести! Подкараулить, навалиться кучей и отделать так, чтобы мама родная не узнала? Ах да, этот дикарь ведь сирота безродная, его небось солдаты на помойке нашли...»

Эрван усмехнулся:

«Нет, не годится – по академии шепотки пойдут: дескать, мы – будущая гордость флота! – только так и можем... Впятером на одного. Да и побои – слишком мягкая кара. Подходящее наказание для Дикаря – смерть! Но такая, чтобы комар носа не подточил. Чтобы Дикарь исчез на веки вечные, а ни один защитник этих сиволапых придраться не смог! А вот как это сделать?»

Эрван открыл глаза, затряс головой, будто выныривая из грязного омута. Переживать эмоции врага больше не требовалось – пришло время холодного расчёта.

Итак... Неведомый колдун пытался всячески огородить Эрвана от мыслей о секунданте: верно, лишние глаза Брианту не нужны. А покушение, скорее всего, было подстраховкой – струсил, мол, Дикарь, или совесть заела... Ну и того – башкой о камушки! А Бриант – что Бриант? Найдутся десятки свидетелей, что он в это время где-нибудь пиво дул... И взятки гладки.

Эрван с недоверием огляделся – а ну как враги уже здесь? Чего проще – помочь человеку из окна выпасть? Да нет, вроде тихо пока.

Нет, вряд ли – тогда Брианту придётся объяснять, что он делает в академии вечером. Значит, поединок всё-таки будет – только правила Бриант решил установить сам.

Эрван не знал, сколько прошло времени. Не обращая внимания на затёкшие ноги, на стылый ветер из открытого окна, на серебристое зарево восходящей луны, он размышлял. Ни разу за годы в академии ему не доводилось решать задачу, от правильного ответа на которую зависела его жизнь.

Мало-помалу появились догадки: неопределённые, смутные – одна другой нелепей. Он отбрасывал их, напряжённо перебирал варианты... Наконец из глубин сознания появился ответ: настолько очевидный, простой в своей немудрёной

гениальности... И безгранично подлый.

Он сердито замотал головой.

«Нет! Пожалуй, даже для Брианта слишком! Хотя... Уж это-то можно проверить!»

Он кинул быстрый взгляд вниз, на пустынный плац: похоже, курсанты ещё не вернулись с ужина. Глянул вверх, на чёрное ночное небо с яркими точками звезд: солнце давно закатилось – сколько же времени он здесь?

Он опрометью пустился по коридору. Едва не споткнувшись, в три прыжка преодолел лестницу и открыл дверь.

Огляделся: пусто. Удовлетворённо кивнул сам себе: успел. Метнулся к рундуку, встал на колени, дрожащими руками кое-как открыл замок. Откинул крышку... И замер на миг.

Сердце затрепыхалось и ухнуло куда-то вниз, кровь застучала в висках – клинков не было.

Отказываясь верить очевидности, он перебирал нехитрый скарб: смена белья, пачка серой ученической бумаги, несколько писем с заставы... И всё.

Он встал, аккуратно закрыл рундук – крышка встала на место с лёгким щелчком. В ту же секунду Эрван осознал – последний фрагмент головоломки найден.

Неуверенность и тревога исчезли, уступив место ледяному спокойствию. Время догадок кончилось.

Теперь он знал.

Глава 2

– Что закутался так, Дикарь? Дрожишь?

Голос спокойный, наглый, с ленивой издёвкой. Торжествует, гад! Перед своими рисуется...

Эрван до хруста стиснул зубы. Почувствовал, как ходят под кожей желваки. Бросил косой взгляд на грузную фигуру поодаль: вроде и впрямь один! И слава богу – если б они всей стаей навалились...

– Да и ты, гляжу, плащ напялил. Трусишь?

Эрван постарался, чтобы издёвка в голосе не ускользнула от врага.

Довольный смешок в ответ:

– Ну-у... Причина-то у меня есть. Я знаю, Дикарь, ты ж любопытный, просто так не отстанешь.

Небрежное пожатие плечами.

– Смотри!

Короткий сухой кашель... Миг спустя тёмный силуэт метнулся к Брианту. Секундант бережно принял плащ и отошёл на шаг.

Холуй... Интересно, ботинки он хозяину успел почистить?

Эрван краем глаза уловил серебристый блеск: враг медленно, наслаждаясь каждой секундой, доставал из-за спины клинки.

Его клинки.

Эрван сглотнул.

Ему казалось, что он подготовился к этому, был уверен, что так оно и будет... Но видеть мечи – его мечи! – в потных лапах врага было невыносимо.

Он посмотрел в торжествующие глаза противника, освещённые луной. Пришлось задрать голову – Бриант был выше его на целый фут.

Криво улыбнулся.

– Не очень-то честно, а?

– Честно? – Бриант ехидно оскалился. – Это как посмотреть. Ты же не думаешь о чести и правилах игры, когда убиваешь назойливого комара? А ты комар, Дикарь! Думал, что твое жужжание с рук сойдёт? И мало того – кусать осмелился!

Бриант повысил голос:

– Ты и вы все, пришлые, – позор страны и флота! Ваше дело – навоз вилами тягать, а не учиться в академии рядом с нами, потомственными воинами...

– Горло не сорви, воин, – куда будешь сидр заливать?

Бриант осёкся. Похоже, он ожидал чего угодно: униженных просьб, яростных воплей и обвинений, – но только не холодной язвительной усмешки.

– Хорохоришься, Дикарь? Может, думаешь, что я сюда играть пришёл? – Голос Брианта сорвался на шипение. – Нет, гадёныш! Тебе отсюда одна дорога – ногами вперёд!

– Угу, – бесстрастно отозвался Эрван. – А труп куда денешь?

За пару секунд Бриант успел совладать с собой: Эрван, не спускающий глаз с противника, кивнул с невольным одобрением.

– А зачем тебя девать куда-то? Лежи уж: потом вызовем охрану, та патруль приведёт... Ну а мы расскажем, как ты пригласил меня подраться, а сам пришёл с оружием. Клинки твои – вот они!

Бриант с наслаждением рассёк воздух сталью, затем недоверчиво оглядел оружие.

– Отличные игрушки, между прочим. Откуда они у такого нищеврода? Стянул у кого?

Кровь бросилась Эрвану в голову: эта мразь осмелилась назвать его вором!

Глаза начала закрывать пелена ярости – Эрвану почудилось, что белый свет луны на мокрых камнях подёрнулся багровыми пятнами.

«Не сейчас!!! Терпи, понял?! Ублюдох ещё не выговорился – а ты ещё не всё узнал».

Эрван холодно улыбнулся.

– Ты давай-давай продолжай, – почти ласково посоветовал он. – Облегчи совесть: небось паршиво спится, по ночам-то?!

– Об этом не беспокойся, Дикарь.

Бриант коротко хохотнул. Поднял клинок, поцеловал лез-

вие.

– Вот прикончу тебя, одной заботой меньше. А там и до остальных доберёмся – главное начать! Чуешь, деревенщина неблагодарная, какую тебе честь оказывают!

– Польщён, – Эрван коротко поклонился. – А если я не готов её принять? Вот дам сейчас дёру – чёрта с два ты меня со своим холуем догонишь!

Черная фигура позади Брианта ожила, с рычанием ринулась вперёд... И наткнулась на стальной барьер.

– Никуда он не денется.

Бриант опустил клинок. Повернулся к Эрвану.

Ослабился.

– Нет, Дикарь, ты же у нас гордый... Не сбежишь. Да и какой тебе смысл? Ну приведёшь ты охрану... А дальше? Скажу, что ты на меня кинулся с мечами наперевес, а я тебя обезоружил. И мне поверят, можешь не сомневаться, – я ж лучший боец курса, не забыл? Ну а тебя за покушение на убийство сошлют в каменоломни. Лет на двадцать. Каков ход, а?!

Бриант запрокинул голову, заржал в голос – подельник отозвался утробным уханьем, едва похожим на смех.

Ривалл, не иначе, – только этот жирдяй так смеётся! Всё правильно, для такого дела самого подлого выбрал – соврёт и глазом не моргнёт! Но трусоват, трусоват... И боец дрянной – сам в драку не полезет, разве что из-под палки...

Эрван позволил себе усмехнуться: еле-еле, уголками губ.

Похоже, он всё рассчитал верно...

Бриант заметил улыбку противника, но, видимо, понял её по-своему:

– Храбришься, Дикарь? – Он довольно кивнул. – Всё правильно: умирать надо с улыбкой. Ну что, начнём, пожалуй?

Он переступил с ноги на ногу, выбирая место поровнее и посуше. Встал в позицию, расслабленно держа клинки у бёдер.

Эрван остался неподвижным.

– Один вопрос.

Бриант вскинул брови. Протянул с ленцой:

– Ну зачем всё это, а? Потерпи чуть-чуть – скоро будет не до ответов.

Он помедлил, наклонив голову набок. Губы его беззвучно зашевелились. Наконец он произнёс:

– Хотя... Почему нет? Валяй – только быстро.

– Как вы прошли охрану, я понимаю – вы ж пустые, чего вас задерживать... А вот кто мечи спёр? Вам, городским, в казарму хода нет: значит, кто-то из своих. Кто?

На этот раз Бриант думал не меньше минуты. Бурчал что-то себе под нос, протестуяще мотал головой, переминался с ноги на ногу – будто вёл спор с невидимым собеседником.

Ривалл ойкнул и отошёл на пару шагов – похоже, странные припадки хозяина ему были не в диковинку.

Эрван ждал, не отводя настороженного взгляда.

Что это? Болезнь? Хитрость? Или... чего похуже?

Мало-помалу Бриант успокоился: по всему телу сверху вниз прошла мелкая дрожь, он несколько раз глубоко вздохнул. Оглядел глухую стену казармы, затянутую темным плющом каменную ограду, лужи и камни под ногами – словно не понимал до конца, где находится. Наконец заметил Эрвана.

И неожиданно весело, залихватски подмигнул:

– А знаешь что, Дикарь?! Ни черта я тебе не скажу: подыхай, не зная, кто тебя предал! Так даже интереснее...

– Верно, – пробубнил Ривалл с безопасного расстояния. – Кончай его, Бриант, а? Время позднее, спать охота, а нам ещё из-за него показания давать!

– И впрямь, заболтались мы с тобой. – Бриант беспечно, словно рисуясь перед невидимой публикой, пожал плечами.

И шагнул вперёд.

Пора!

Эрван метнулся навстречу.

Быстрое движение – и плащ сорван с плеч.

Отлично!

Теперь раскрутить правой – один оборот, не больше! – и бросок...

Эрван довольно улыбнулся.

Камушек не подвёл. Не вывалился, молодчина, из тесёмочной петли, попал Брианту точно в голову, шлейфом увлекая за собой ткань.

Эрван подошёл к распростёртому телу. Наклонился, изу-

чая остатки плаща: а ведь успел, паршивец, клинки вскинуть и почти закрылся – вон, на материи разрезы по футу. Но отвлёкся, когда перед глазами что-то заколыхалось: не успел сообразить, что сюрприз не снаружи, а внутри!

Эрван кивнул: что ж, на то и расчёт...

Мельком глянул в ненавистное лицо: кровоточащая ссадина на лбу, побелевшие губы под луной приобрели зеленоватый оттенок, дыхание... Вот не разберёшь – дышит, нет?

Краем уха Эрван уловил слабое шевеление справа.

Дурак! Забыл про второго!

Проклинаая себя, он выхватил мечи из безжизненных рук врага. Одним прыжком вскочил, развернулся и прижал лезвие к жирной шее Ривалла. Заметил, как расширились от ужаса глаза, исказилось дряблое лицо под капюшоном.

Холодно произнёс:

– Дёрнешься – убью.

Кивнуть Ривалл не отважился, лишь испуганно заморгал.

– Буду считать, что понял.

Эрван отвёл меч... И через миг ощутил, как вздыбилась земля под ногами. Опрокинулся навзничь, нелепо, как беспомощная кукла, взмахнул руками...

Сначала боли не было: лишь яркая вспышка где-то позади век да противный хруст в затылке.

«О булыжник... Надо же: один камень помог, другой подвёл...»

Не помня себя, повинуюсь лишь инстинкту раненого зве-

ря, откатился как можно дальше, упёрся в ограду. Встал на одно колено, вслепую вскинул правый меч, парируя возможный удар сверху, выставил руку, прикрывая корпус... и лишь тогда осознал – клинка в левой руке не было.

«Идиот! Всего и надо было – следить за обоими! Как хорошо было задумано: обезоружил и ушёл спокойно – а вот на тебе!»

Зрение мало-помалу возвращалось: Эрван уже мог различить силуэт противника: тот бешено пластал воздух подобранным клинком, но рвать дистанцию не спешил.

Почему он не атакует?

Эрван медленно встал. Напряг слух, пытаясь не обращать внимания на подступившую боль.

Сквозь звон в ушах сумел различить тихое, наполненное яростью шипение:

– Что встал как баран? Бей его, пока не очухался! Ты справа, я слева, ну?!

– Ты чего, Бриант? – виновато басил Ривалл. – Это ж Дикарь, он же бешеный! И у него меч. Ты бы видел: он мне чуть башку не отхватил, пока ты валялся!

– Умница, – прохрипел Эрван и оскалился: – Стой где стоишь – целей будешь!

– Во! – почти радостно воскликнул Ривалл. – Видал? Он уже на ногах! Куда я против него – безоружный? Не, Бриант, ты уж сам как-нибудь...

Он виновато опустил плечи и бочком-бочком попятился

от бойцов: похоже, Брианта он опасался не меньше, чем Эрвана.

«Отлично. Значит – один на один...»

Бриант зарычал и плюнул в сторону неверного союзника. Эрван ухмыльнулся. С ехидцей заметил:

– Не попал!

И тут же пожалел о своей болтливости: разъярённый Брианта очертя голову бросился в драку.

Отступать было некуда: Эрван под напором врага сделал шаг назад и упёрся в камень: между лопатками вонзились десятки колючек.

«Жимолость!!! Кто тебя у стены насадил – чтоб ему в аду гореть!» – успел подумать он под яростными атаками. А потом стало не до мыслей...

Нападать он и не пытался: куда там – отбиться бы!

Страха не было, лишь безмерное удивление: ведь раньше он считал, что репутация Брианта как бойца сильно преувеличена – кто ж осмелится выиграть бой у адмиральского сына, пусть и учебный!

Теперь, стоя под неистовым градом ударов, Эрван понял, насколько ошибся.

Вот один раз он едва сумел парировать удар – лезвие с лязгом остановилось в дюйме от тела, потом ещё... Затем клинок рассёк руку...

«Спасибо, хоть левую...»

Эрван надеялся, что, увидев кровь, враг остановится хоть

на пару мгновений. Это же Бриант, он должен покуражиться над жертвой, так? Хоть полминуты! Много-то и не надо – чуть дух перевести...

Противники обменялись взглядами... и Эрван понял – время слов кончилось.

Привычные черты старого врага исказились до неузнаваемости, ввалившиеся глаза на побелевшем лице полыхали такой бешеной, нечеловеческой жадой убийства, что меч Эрвана едва не выскользнул из разом вспотевшей руки.

«Да что с ним, чёрт его дерит?» – Эрван почувствовал, как его начинает бить дрожь.

Чужак в знакомом образе оскалился, будто расслышав немой вопрос. Повёл головой по сторонам, словно принимаясь. И с рычанием бросился в новую атаку.

Эрван снова растворился в круговерти ударов. Мыслей не осталось, желаний тоже... кроме одного – выжить.

И он выживал: секунду за секундой – встречая сталью сталь, приседая и выпрямляясь, уклоняясь от бешеных атак, насколько позволяла дрянная позиция...

Он и не понял толком, когда наступил перелом: чуть ослабла сила ударов, чуть замедлился темп, сквозь лязг мечей прорезалось хриплое дыхание противника... Каждое изменение по отдельности было почти незаметно... Пока Эрван внезапно не ощутил – за спиной у него пустота!

«Да я же наступаю! Вот на шаг... А теперь ещё...»

Он холодно улыбнулся – пусть видит Бриант!

«Ты проиграл. И теперь ты мой!»

– Всем стоять! Оружие на землю!!!

Эрван застыл. Медленно вытянул руку с мечом. Разжал пальцы: клинок жалобно звякнул о камни.

С торжествующим рёвом Бриант ринулся вперёд. В один прыжок оказался рядом с Эрваном, вскинул оружие для завершающего удара...

Короткое слово на незнакомом языке – и враг безжизненным мешком осел у ног. Эрван выдохнул, дрожащей рукой смахнул испарину.

«Ещё бы чуть-чуть и...»

– Всё, парень! Не дури – хуже будет.

Он не сопротивлялся, когда ему заламывали руки. Не протестовал, когда ременная петля стянула запястья. Покорно двинулся вперёд, получив увесистый тычок меж лопаток.

С отчаянием и болью он не отводил глаз от двух людей за спинами патрульных: криво улыбающегося Свистка и... Хлыста, брезгливо поджавшего губы.

* * *

– Готово!

Эрван напоследок бросил взгляд на кляксы и помарки. Мельком пожурил себя за неровный почерк – бессонная ночь давала о себе знать – и решительно отодвинул перга-

мент.

– Отлично!

Следователь кивнул и, не обращая внимания на обвиняемого, погрузился в чтение.

Эрван искоса следил за ним: наконец-то можно разглядеть человека, от которого зависела его судьба!

Ничего страшного, а тем более угрожающего во внешности следователя не было: маленькое пузатое тельце, туго обтянутое коричневым камзолом с расстегнутыми пуговицами – ни дать ни взять перезрелый желудь! Слишком большая голова с высоченным лбом, увенчанная редкими седыми прядями, широкие скулы и до нелепости острый подбородок – загнутый, будто абордажный крюк. Ноги следователя скрывал массивный стол, но Эрван был готов поклясться, что они не достают до пола – как у ребёнка, для пущей важности оседлавшего стул взрослых.

Бесцветные глаза карлика привычно бегали от строчки к строчке; палец медленно скользил по бумаге, толстые губы беззвучно шевелились – видно, разобрать кадетскую писанину в свете масляной лампы было непросто.

Эрван перевёл взгляд на кипы документов, тёмный комок сургуча возле чернильницы. Затем украдкой принялся рассматривать комнату: темновато, но вроде ничего особенного – голые каменные стены да крохотное окошко-бойница, забранное решёткой. Ставен не было, в комнату проникал солоноватый морской воздух, и в тишине Эрван отчётливо

различил курлыкание голубей снаружи.

«Вот чёртовы птицы! Летают себе куда хотят, и ни забот, ни хлопот! А ты сиди тут...»

– Итак, обвиняемый...

Негромкий, лишённый интонаций голос вернул Эрвана к реальности.

– Гвент, господин следователь. Меня зовут Гвент.

Эрван расправил плечи. Вздёрнул подбородок и твёрдо посмотрел следователю в глаза – пусть будет что будет, но вытирать о себя ноги он не даст!

– Обвиняемый, – поправил голос. В нём не слышалось раздражения – одна лишь усталость от ежедневной рутины. Сколько таких вот Гвентов прошло перед ним за годы?

– Сейчас вы обвиняемый номер сто тридцать шесть. Потом станете подсудимым, и если всё для вас сложится удачно – заключённым.

– А если нет?

Эрван дал себе зарок не говорить и слова лишнего... но любопытство и страх на этот раз оказались сильнее.

Следователь улыбнулся.

– Если нет – станете казнённым. Какой номер вам присвоят... не знаю, право. Да и вас это вряд ли заинтересует... не так ли?

Против воли Эрван потрясённо кивнул: хоть ему и казалось, что он готов ко всему, хоть и знал он, каким быстрым и суровым бывает правосудие в Морском Ключе – а всё-таки

надеялся на что-то...

«Дурак! – мелькнула запоздалая мысль. – Предупреждали же тебя по-хорошему! Нет бы Хлыста послушать!!!»

Глаза следователя блеснули, улыбка растянулась до ушей: жертва дозревала на глазах.

«Ну уж нет! – Миг слабости остался позади, Эрван обрёл привычное упорство. – Чёрта с два ты меня запугаешь!»

– Ваша судьба, милейший, – в ваших же руках, – продолжил следователь и брезгливо отшвырнул листок с показаниями. – Ну сами посудите: что вы тут нафантазировали? Клинки у вас якобы украли, секунданта у вас не было, потому что якобы никто не захотел им стать...

А меж тем мы знаем, – произнёс он с нажимом и наклонился к Эрвану, – мы знаем, что помощь вам предлагали... но вы ее не приняли.

Эрван с трудом подавил желание поморщиться: запах кислой капусты изо рта следователя вызывал рвотные спазмы.

– Если вам известно, что я отказался от секунданта, то наверняка известно также почему, – холодно ответил он.

Улыбка исчезла с лица следователя.

– Упрямитесь? Вы почти взрослый человек! Сами должны понимать: всё, что вы написали, – детский лепет!

Вы обвиняетесь в покушении на убийство, милейший! – Он понизил голос: – Вооружённом, хладнокровно обдуманном... и смягчающих обстоятельств у вас нет!

Он сел на место. Отвёл взгляд.

– Чистосердечное признание – вот последняя соломинка, которую вам протягивают! Не стоит делать глупостей, вы их уже натворили достаточно! Лучше запомните накрепко – из каменоломен рано или поздно возвращаются, а с эшафота – нет.

Он глубоко вздохнул и отёр пот со лба. Эрван успел заметить тёмные пятна на камзоле.

«С чего бы он вдруг засуетился? Только что сидел такой спокойный – и на тебе!»

Мысль пришла неожиданно: такая простая и очевидная, что Эрван сам себе удивился – как он сразу не додумался?

– А знаете что? – холодно бросил он, больше не думая о последствиях. – Вы прекрасно осведомлены: я невиновен. А приговор уже вынесен: не вами, так теми, кто выше вас. Что ж, ваша воля – ваша власть: но на мою помощь не рассчитывайте.

Он сложил руки на груди и с вызовом посмотрел на следователя: пусть этот пузан бесится, если хочет, – плевать!

Против ожидания, тот не выказал ни гнева, ни ярости. Облокотился на стопку бумаг, едва не опрокинув чернильницу. Подпёр голову руками и устало вздохнул.

– Смею надеяться, что вы измените решение, милейший, – время пока есть. И место тоже: наши камеры весьма располагают к раздумьям. А пока... Увести!

На пороге Эрван обернулся. Выразительно помахал ладонью перед носом. Поморщился:

– И ещё. Умоляю, смените повара... милейший!

Всё-таки это был свет: вернее, его призрак – слабое, на грани различимости, тёмно-серое пятно. Чуть светлее окружающего мрака.

Обострившийся слух разобрал слабые щелчки.

«Наверно, это подковки сапог клацают по ступеням. Вроде громче стало...»

Вытянув руки, словно слепой, он кое-как добрался до двери. Пошарил ладонью по кованому железу. На ощупь ухватился за толстые прутья решетки. Изогнул шею, силясь разглядеть что-нибудь в крошечной тьме.

Через минуту дальний конец коридора осветился: с непривычки Эрван едва не ослеп – слабое, неверное пламя дешёвой свечи показалось ему ярче солнца.

Кто там? И к добру ли?

Эрван хотел было отпрянуть, забиться в тёмный угол камеры, словно раненый волчонок, – но желание увидеть свет, услышать человеческую речь, быть может, даже задать вопрос – любой! – оказалось сильнее.

Зажмурив глаза, силясь усмирить бешено колотящееся сердце, он обратился в слух. С каждой секундой звуки шагов становились всё громче и отчетливей. Вот неизвестный повернул с лестницы и идёт по коридору за углом – подковки цокают глуше. Вот уже слышится слабое поскрипывание – наверное, что-то несёт в руках.

Неужели еда?

Эрван только сейчас понял, насколько голоден. Когда он ел в последний раз? Даже и не вспомнить...

– Заключённый! Руки от решётки, три шага назад!

Невесело усмехнувшись, Эрван повиновался: «Вот уже и заключённый! Вроде недавно был обвиняемым... быстро у них тут!»

Послышался лязг, и пятно света застыло: видимо, лампу поставили. Дверь со скрежетом отворилась: ноздри Эрвана расширились и затрепетали – из коридора проникли густые ароматы тёплой пищи.

Прикрывая лицо одной рукой и вытирая слёзы другой, Эрван еле-еле выдавил:

– Обед?

– И завтрак, и ужин тоже, – отозвался тюремщик.

Эрван попытался разглядеть собеседника... и не смог: грузный силуэт в огненном ореоле – вот и всё.

– Сколько я здесь? – хрипло спросил он.

Кажется, тюремщик пожал плечами.

– Сутки.

Радуюсь, что может перекинуться парой слов с живым человеком, Эрван решил говорить что угодно – лишь бы продлить разговор хоть на минуту.

– Странно, – произнёс он. – А я был уверен, что гораздо больше.

Тюремщик хмыкнул.

– Это темнота, парень. Темнота и безделье – они кого хошь с ума сведут. Мыслишки-то всякие в голове закопошились, нет?

– Да, – признал Эрван. – Есть такое.

Тюремщик, похоже, и сам был не прочь поболтать с новым человеком: много ли интересного в тюремных коридорах увидишь?

– Вот-вот, – подхватил он почти с радостью. – Многие вот так как ты: сначала артачатся, а через недельку сами на допрос бегут – еле конвоиры за ними успевают!

– Не-е... – протянул Эрван с усмешкой. – Это не про меня.

– Ну-ну.

Тюремщик издал булькающий звук: наверно, это означало смех.

– Посмотрю-ка я на тебя позже: казематы – они и не таких обламывали!

Он с кряхтением поставил у двери глубокую миску. Вышел было в коридор... Замер на пороге.

– Ты вроде не буйный, паря: не плачешь, не кричишь, на меня, грешного, не бросаешься... Так и быть, дам тебе совет.

Он оглянулся, понизил голос до шёпота:

– Не торопись лопать: если они не получат своей порции – закусят тобой.

Дверь захлопнулась. Проскрежетал засов. Тусклый огонёк за решёткой всё слабел по мере того, как затихали неторопливые шаги.

Через минуту Эрван остался в непроницаемой тьме.

Нашарил глиняную миску, сослепу угодив рукой в горячее варево. Облизал пальцы.

Ммм... Вкусно-то как!!! Кажется, овощное рагу с бараниной!

Эрван мельком улыбнулся, вспомнив, как морщил нос от капустного запаха: сейчас всё что угодно умял бы... Не задумываясь!

Он пододвинул еду, наклонился как можно ниже, всем естеством впитывая упоительный запах... И вдруг замер.

Что там говорил тюремщик: «Если не получают своей порции – пообедают тобой?»

Вроде так...

Эрван поежился: словно тюремный воздух разом стал холоднее, ещё чуть-чуть – и пар изо рта повалит.

Кто это – они?

Он решительно отодвинул еду. Покачал головой. Задержав дыхание, отнёс миску в дальний угол камеры и опротя кинулся обратно – теперь запах чувствовался слабее, но всё равно сводил с ума.

Стараясь не обращать внимания на протестующий желудок, Эрван вытянулся на топчане. Положил руки под голову и застыл, вперив взгляд в кромешную темноту.

Ждать пришлось недолго.

После сотого удара сердца до ушей Эрвана донеслось странное постукивание – будто далеко-далеко гнали табун

лошадей.

Но откуда лошади здесь, в тесной камере? К тому же звуки извне сквозь толстые стены не проникали, Эрван уже успел в этом убедиться!

Он почувствовал, как зашевелились волоски на руках.

Что это, чёрт побери?! Неужели колдовство? Если так – до суда ему не дожить. Как защищаться безоружному, в полной темноте?

Эрван до крови прикусил губу. Боль и солоноватый привкус во рту оказались настоящим благом: Эрван сумел подавить зарождающийся в глубине естества панический вопль – и даже не шевельнулся.

Вскоре цоканье стало громче и отчётливей, к нему при- мешались звуки возни и еле слышное шуршание.

Да это же крысы! А он уже вообразил...

Эрван едва не расхохотался от облегчения: схватка в темноте со стаей оголодавших грызунов казалась сущим пустяком по сравнению с неведомой и страшной опасностью.

Крысы тем временем добрались до еды: из угла донёсся довольный писк, тихий скрежет глины о камень – наверно, зверьки в азарте двигали миску.

Трапеза не затянулась: через полминуты Эрван услышал тихое сопение совсем рядом. В локоть ткнулся любопытный нос, кожу защекотали жёсткие усы – похоже, грызуны были не прочь получить добавку.

Эрван не двигался: собрав остатки воли, он сдерживал

дрожь.

«Они уже сытые... сытые... понял?! Если не разозлить, всё обойдётся! Терпи... терпи...»

Одна крыса забралась на грудь, пододвинулась вплотную к лицу – Эрван почувствовал её тёплое дыхание. Другая с тихим сопением исследовала штанину – острые маленькие зубы пронзили ткань, вцепились в ногу.

Эрван вздрогнул.

Крысы метнулись во мрак. Миг – и топоток крохотных лап затих. Словно и не было.

Перед глазами Эрвана поплыли радужные пятна. Он схватился за грудь и вдохнул: глубоко, с надрывным всхлипом. Только сейчас он понял, что всё это время не дышал.

Страх отпустил. На смену ему пришли слабость и опустошённость. Не хотелось ничего – даже есть.

Он вытянулся на неудобном ложе, устремив взгляд в невидимый потолок, и погрузился в странное, полуобморочное состояние – не то сон, не то явь...

«Что, парень, доигрался?!»

Мысль была вялая и неспешная: Эрван представил, как она тяжело ворочается подо лбом.

Усмехнулся: ни сожаления, ни тем более раскаяния он не чувствовал – как сложилось, так сложилось.

Он перебирал в памяти события, приведшие его сюда: вот он даёт пощёчину зарвавшемуся наглецу; вот он принимает

вызов, договаривается о времени и месте встречи... Ошибся ли он тогда? Эрван прислушался к себе: совесть молчала.

Значит, нет.

Виноват ли он в том, что не послушал Хлыста?

Совесть проснулась, Эрван ощутил лёгкий укол: значит, да.

Эрван вздохнул.

Хлыста он подвёл, это точно. Даже представить нельзя, какие сейчас у того неприятности: на вверенном ему курсе один кадет едва не прикончил другого. И когда – за несколько дней до выпуска!

Из наставников попрут, это точно. А может, и чего поухе... Он вспомнил лицо Хлыста там, на месте поединка, и поёжился: совесть разгулялась вовсю.

«На допросе возьму всё на себя и дело с концом! Может, хоть наставника не тронут. Кто им кадетов учить будет?»

Совесть мало-помалу успокоилась: на смену ей пришло чувство голода.

«Если протяну до допроса... – угрюмо подумал Эрван. – С голодухи не сдохну – крысы сожрут. Выбирай, парень!»

Эрван сонно ухмыльнулся.

Немудрено, что заключённые сами на допрос бегут. Посидишь тут с недельку – в чём угодно признаешься!

«Только не я».

Мысль была ясная и твёрдая. Словно и не ему принадлежала, а кому-то другому: более взрослому, мужественному

и сильному.

Да!

Лёжа в тишине и мраке, попеременно терзаемый голодом и совестью, Эрван понял о себе простую вещь. Понял – и рассмеялся с тихим торжеством. Прошептал в темноту.

«Убить меня можно. Сломать – нет.

Поняли, вы?! Так-то!»

Прошлое закончилось, и это его не волновало. Будущее выглядело мрачно, но и это уже не имело значения.

Он спал глубоко и крепко – как тысячи его сверстников по всей Арморике.

И безмятежно улыбался во сне.

* * *

– Номер сто тридцать шесть – на выход!

После четырёх дней полной тишины голос показался Эрвану похожим на горный обвал. Сощуриив глаза от пламени факелов и зажав уши руками, он замер.

Что от него хотят?

Смысл приказа не доходил до него – слишком привычным стало оцепенение души и тела.

Мозолистые руки схватили запястья Эрвана, ловко и споро накиннули верёвку. Миг – и на глазах затянулась повязка: чуткий нос Эрвана уловил запах старой пыли.

Толчок под ребро.

– Оглох? Двигай!!!

Справа и слева – тяжёлые шаги, на локтях – чужие пальцы.

Куда его ведут?

Вопрос застыл на языке: нет уж! Пусть делают что хотят

– ни звука от него не дождутся. И так он всё скоро узнает...

Может, лучше и не знать?

Эрван горько улыбнулся: слава богу, хоть страх в глазах они не увидят – повязка укроет.

А кстати... Она-то – зачем?

Эрвану доводилось слышать, что такие штуки надевают приговорённым перед казнью – говорят, палачи очень не любят смотреть жертвам в глаза...

Но ведь приговора не было! Даже на допрос не таскали. Не могут же они казнить просто так – без суда?

«Могут, – сообразил он с отчаянием. – Если идёт война».

Но ведь... Когда его сюда уpekли – всё было тихо! Да, все предполагали, что северяне навалятся вот-вот: и отпуска летней эскадре отменили, и курс их отправляют недоучками – на усиление флота...

И сквозь ограду академии просачивались слухи один другого нелепей: то на перевалах уже идут бои, то фаэри вот-вот с юга придут и уничтожат остатки вольностей людских... А всё-таки верить не хотелось: особенно теперь.

Похоже, лестница винтовая, неудобная... А его тянут вверх по ступенькам, пыхтят, несут почти – хотят целым до-

ставить! Ну и ладно, ну и хорошо.

Опять под ногами ровно: поворот направо, ещё раз направо, потом налево...

– Стоять!

Лязг запоров, скрип дверей... и громкие крики чаек. И тёплый ветер в лицо.

Эрван замер, прислушиваясь: рокот волн доносился с запада, футов с пятисот.

Значит, всё-таки подземелья форта: в ночь поединка он даже не успел сообразить, куда его упрятали, – слишком быстро всё произошло...

– Двигай!

Под ногами тепло и мокро: наверно, дождь кончился совсем недавно.

Эрван глубоко вдохнул, надеясь уловить запахи умытой зелени.

А что? Дышать-то ведь – можно?

Скрип плохо смазанной телеги, неторопливый перестук копыт... В ноздри ударил запах конского навоза.

Через секунду Эрван почувствовал, как его поднимают в воздух и швыряют, словно куль с мукой. Он сжался в предчувствии удара... умелые руки подхватили его и усадили на что-то твёрдое.

Эрван осторожно заёрзал, ожидая повелительного окрика... нет, пока тихо. Связанными за спиной руками рискнул потрогать сиденье – пальцы нащупали едва оструганное де-

рево.

«Как на солдатском гробу... – мелькнула паническая мысль. – Неужели всё-таки – эшафот?»

Он снова порадовался, что глаза закрывала повязка. Кто бы и куда бы его ни вёз – слёз он не увидит!

Лошади взяли с места: без хлопанья вожжей и понуканий кучера.

Эрван ударился затылком о что-то твёрдое. Чуть слышно зашипел – звук растворился в скрипе колес. Вскоре повозка замерла – краем уха Эрван уловил, как неподалёку вполголоса переговаривались.

«Наверно, это охрана ворот, – догадался он. – Значит, повезут в город – зачем только? Казнили бы здесь – места им мало?»

Хотя Эрван и старался ожесточить себя, подготовить к неизбежному и, быть может, самому худшему... но против воли ощутил давно забытое чувство. Оно зародилось где-то в груди, жаркое и трепещущее. Оно заставило дыхание участиться, а сердце – забиться сильнее.

Надежда...

Повозка тронулась в путь, пересчитывая ухабы. Через несколько минут дорога стала ровнее, колёса загрохотали по брусчатке.

«Наверно, это уже городская мостовая» – Эрван изо всех сил старался скрыть подступившее ликование.

Его вывезли из форта! Вывезли!

«А это значит... это значит... – с робкой надеждой предположил он. – Что виселицы не будет: в городе казнить не принято».

Он только сейчас осознал с полной ясностью, насколько хочет жить. Каменоломни – пускай!!! Как там говорил коротышка-следователь?

«Из каменоломен рано или поздно выходят»?

Вот и он выйдет: и не просто выйдет, а еще и оправдается!

Эрван счастливо улыбнулся.

«Только для мёртвых всё решено. А я ещё побарахтаюсь!»

Сквозь скрежет несмазанных осей Эрван различил возбуждённые голоса. Откуда-то слева под нехитрый аккомпанемент скрипок лилась песня. Еще дальше выводили мелодию несколько флейт.

«Развлекаются, – подумал Эрван без тени зависти. – Что ж, каждому своё».

Лошади медленно поднимались в гору – Эрван слышал их натужное дыхание. Рядом с ним позвякивали доспехи конвоиров.

«Кажется, четверо, – на слух предположил Эрван. – Двое по бокам и ещё пара напротив. Хм... С чего бы мне такая честь?»

Опасения зашевелились с новой силой.

Куда его везут? Если не на казнь, то куда? Перевозят в городскую тюрьму? Это вряд ли: Эрван слышал, что она предназначалась только для штатских. В городской суд? Тоже

вряд ли. Дела военных рассматривал трибунал в крепости.

Тогда зачем?!

«Думай, парень, думай!!! – тормошил себя Эрван. – Что бы ни случилось – только б не врасплох!»

Итак...

Судить его не судили, приговор не вынесли. Убивать в камере не стали, из форта вывезли. Спрашивается, зачем?

Звуки беспечного веселья мало-помалу затихли: где бы сейчас они ни проезжали, городской центр точно остался позади.

«Значит, и городская тюрьма тоже, – Эрван кивнул в такт очередному ухабу. – Но тогда... Давай, парень! Додумывай уж до конца – кто вместо тебя это сделает?»

Оставалось одно: его собираются вывезти из города. И понятно, зачем: мало ли в окрестностях глухих оврагов? Да и земля весенняя, мягкая... Вырыть могилу – чего проще? Четверо солдат да кучер за полчаса управятся...

Дело быстренько замнут, и был ли на свете некий Эрван Гвент, нет ли... Кто вспомнит? Может, несколько старых солдат на перевале... Да ещё Хлыст: небось качнёт головой и подумает: не оправдал моих надежд – а я-то с ним возился!

Эрван почувствовал, как намокла ткань повязки: слёзы покатались градом. Он силился унять их... не вышло.

«Слишком много свалилось... Слишком. Ничего, Эрван: соберись, потерпи. Если жить не получается – хоть умри как следует!»

Он сглотнул, расслабил мышцы – дрожь в плечах прекратилась, не успев толком начаться. Дыхание мало-помалу выравнилось, сердце перестало колотиться о рёбра.

Будь что будет...

Через пару минут он сумел взять себя в руки – и не выдать страха, когда повозка наконец замерла.

– Всё, кадет. Вылезай. Последняя остановка.

* * *

Палящее солнце укоротило тени от лип во дворе академии, выбелило щербатые плиты под ногами. Эрван опустил голову – после карцера свет нещадно резал глаза.

Его поставили во вторую шеренгу, вместе с остальными.

Парадный дублет с чужого плеча нещадно жал под мышками, жёсткий воротник врезался в шею – головы не повернуть. Плац заслоняли плечи и голова здоровенного кадета из старших. Почти все, что мог видеть Эрван, – бритый затылок, капли пота на распаренной шее да тёмное пятно между лопаток. Эрван скривился, чувствуя, как противные струйки текут по его собственной спине.

«Ничего, потерпишь! Не гневи судьбу, парень! Хоть червям на корм не пошёл – уже недурно!»

Когда морские пехотинцы сдавали его с рук на руки охране академии, когда с него сдирали заскорузлую рванину, споро и умело окунали в лохань с обжигающей водой – он не

задал ни одного вопроса. Когда его, словно бесчувственную куклу, упаковывали в парадку и под локти вели на плац – он молчал.

«Слишком много свалилось... Слишком».

Но весеннее солнышко ласково щекотало кожу, лицо обдувал свежий ветерок, и Эрван, зажатый в плотном строю, будто горошина в стручке, мало-помалу начал оживать.

После часа ожидания Эрван ощутил наконец: всё, что он видит сейчас, – близко и реально, а ночной поединок, допрос и сырая темнота камеры начинали казаться дурным сном.

«Похоже, всё-таки не убьют, – заключил он и отважился на улыбку: в конце концов, кто его увидит – в заднем-то ряду? – Ладно, а дальше что?»

Вместе с желанием жить появились и вопросы, а вместе с ними – опасения.

Он зябко повёл плечами: будто на миг снова повеяло тюремным холодом.

Стиснул зубы.

«Что ж, посмотрим! И слушаем...»

Округлые фразы Студня вязли в тягучем зное. До края шеренги доносились лишь отдельные слова: «Честь... Ответственность... Впервые в истории...»

Перевалило за полдень. Бриз ослабел, и в раскалённом воздухе медленно растеклась вонь из сыромятного квартала по соседству – пришлось дышать ртом.

Эрван перенёс вес тела с одной ступни на другую, снимая нагрузку с ноющих мышц. Осторожно, стараясь не задеть язвы от верёвок, принялся массировать кисти.

– Баран старый!

Сказано было тихо, но с чувством.

Эрван покосился вправо, на соседа, – тот украдкой сплюнул под ноги, продолжил брюзгливой скороговоркой:

– Битый час рассыпается, а по делу ни словечка. Как всегда – ни тпру ни ну...

Стоящий впереди старшекурсник ловко и незаметно пнул болтуна в голень. Больше никто открыть рот не рискнул.

По шеренгам прошёл еле слышный шелест – кадеты равняли строй. Эрван вытянулся во весь свой невеликий рост, сиюсь разглядеть хоть что-нибудь.

Начальник академии при полном параде выглядел ещё нелепей обычного: маленькая голова с редкими седыми волосами; грузное, как у кита, тело, затянутое в чёрный мундир; обширный живот, под которым еле угадывался широкий ремень.

Как он застегнулся-то? Вряд ли сам – у него ж руки на пузе не сойдутся! Удар его не хватит – на солнцепёке?

Эрван ухмыльнулся.

А и пусть! Зато им всем точно не до него станет...

На дряблом лице начальства проступила усталость пополам с облегчением – церемония подходила к концу. Студень кое-как развернул пергамент и, еле шевеля губами, принял-

ся зачитывать фамилии. Горластый офицер из флотских повторял их на весь плац. Передний ряд ожил: один за другим старшие подходили за назначениями. Пара напутственных слов, короткое рукопожатие – и вчерашний пятикурсник становился офицером флота.

Эрван ощутил неожиданный укол зависти: эти не будут год тянуть матросскую лямку... Офицерские каюты на корме – это вам не гамак рядом с вонючим гальюном! Им не придётся драить палубу до боли в пояснице. Они не обдерут ладони о снасти. И линёк боцмана их не коснётся... А всего заслуг-то – оказаться в академии на год раньше!

«Ты ж раньше не завидовал, парень? С чего вдруг сейчас? – Долго размышлять не пришлось. – Будь я на год старше, плевать мне и на Брианта, и на папашу его. И в карцере не оказался бы! Вся жизнь по-другому! Эх, чего уж теперь...»

Пока общее внимание было приковано к центру плаца, Эрван осторожно глянул на сокурсников. Черета угрюмых лиц не оставляла сомнений – завидовал не он один.

«Ага! Только причины разные...»

Эрван украдкой облизал пересохшие губы.

А с другой стороны... Лучше уж матросский кубрик, чем верёвка на шею, карцер или каменоломни! Раз его перед самым построением вытащили из камеры, дали помыться да ещё и в парадную форму одели... Наверное, обошлось?

Или нет?

Передняя шеренга мало-помалу редела. Ещё полчаса – и последний из старших, гордо зажав в руке листок с назначением, прошествовал через Вольную дверь.

Наступал их черёд.

Эрван втянул живот, расправил плечи. Больше ничто не заслоняло обзор, и он ясно видел, как Студень, тяжело отдуваясь, вручил Хлысту список назначений и отбыл.

Ну да... Офицерский свежачок он поздравил сам, а лично распределять матросов – много чести!

Впрочем, такому развитию событий Эрван был только рад: чем дальше начальство, тем лучше. А наставник... он почти свой, с ним уж как-нибудь...

Высокий, тощий и узкогрудый, Хлыст, тем не менее, на голос не жаловался – помощь дежурного офицера ему не требовалась. Дело пошло ещё быстрее, и скоро из трёх дюжин сокурсников на плацу осталось меньше половины. Эрван с тревогой вслушивался, боясь пропустить своё имя.

Почему не вызывают? Его фамилия в начале алфавита, чего они ждут?

Украдкой он глянул в угол между стеной и деревьями – туда, где высился позорный столб. Пользовались им редко, и Эрвану там стоять не пришлось, но... всё когда-то случается в первый раз.

Что, если его вытащили специально? Если наказание просто отложено? Чего проще – дать надежду, а потом... Все получают назначения, навсегда покинут академию, а его при-

вяжут... там? А дальше что – обратно в карцер?

Эрван стиснул зубы. Задержал дыхание, насколько хватило сил. Медленно и бесшумно выдохнул.

«Не паникуй! Если б хотели поизгаляться, начали бы сразу, перед всеми. Пример и все такое... А сейчас – какой смысл?»

Эрвану чуть полегчало. Ровно настолько, чтобы спокойно дожидаться выкрика: «Гвент, Эрван!»

Когда он, подобно остальным, шёл за назначением, ноги его почти не дрожали.

– Кадет Гвент! – гаркнул Хлыст, когда Эрван встал перед ним. – Лёгкий рейдер «Горноста́й»!

Затем добавил тише.

– Поздравляю!

И почти шёпотом, одновременно с рукопожатием:

– Когда всё закончится – зайди ко мне.

Эрван с удивлением воззрился на Хлыста: выглядел тот почти как обычно, но готовому к неприятностям Эрвану показалось, что в глазах наставника мелькнуло сомнение пополам с тревогой.

Что за... Получается – ещё не все?

Впрочем, размышлять было некогда. Эрван кивнул, сделал чёткий поворот через левое плечо. Так или иначе, его учёба закончилась куда лучше, чем могла бы. Как и остальных, его ждала Вольная дверь, а разговор... Это только раз-

говор – за него не сажают!

Перед дверью Эрван застыл на миг. Опустил плечи, будто ожидая привычного окрика «Стоять!».

И повернул ручку.

Глава 3

Коридор почти не изменился. Те же грязноватые стены, кое-как задрапированные древними штандартами с бог весть каких судов. Тот же, со стёртым до неузнаваемости рисунком, изразцовый пол. У выхода – тёмные силуэты караульных и два крохотных окошка, скупно пропускающих дневной свет. Дальше, у лестничного пролёта, – массивная дверь каптёрки.

Четыре года назад он с бьющимся сердцем миновал охрану. Робко озираясь, прошёл по коридору и сдал форму горного пехотинца. Ту самую, что на заставе ему когда-то собирали «на вырост». Подарок от тех, кого больше нет...

Эрван с досадой поморщился:

«Ещё поплачь, дурень! Забот других нет?»

К приходу Эрвана выпускники заполнили всё помещение. Одни сбились в длинную очередь – от каптёрки почти до выхода. Другие, не теряя времени, стаскивали парадку: разорвёшь, не дай бог, – каптёр напоследок голову снимет! Кое-кто бродил вдоль стены, где в ряд выстроились мешки с бирками: пока хозяева теряли время на плацу, их пожитки спустили в коридор во исполнение старой традиции: получил назначение? И молодец, иди себе с Богом. А внутри академии тебе больше делать нечего.

Эрван хмыкнул.

Обычай обычаем... А Хлыст просто так встреч не назначает. Надо идти, никуда не денешься. Да и деваться неохота... Кто еще подскажет и поможет, если не Хлыст? Вот только минуты лишней здесь торчать не хотелось – ну как эти, из крепости, возьмут да передумают?

Эрван насупился, развернул выпускной листок. Поднёс к глазам, сиюсь разобрать в полумраке неровные закорючки.

Название судна, гм... «Горностай».

Странное какое-то. Невоенное. Ладно, что там дальше? «Тип судна – кеч».

Угу. Интересно, с каких пор кечи входят в состав флота? Их на севере и не строят даже... Но допустим. Что ещё?

Так: номер пирса, имя капитана...

Всё вроде чин чином. Или нет?

Эрван поскрёб затылок: а-а, вот оно!

«Выдано – полдень Бренданова дня».

Ну да, почти верно. Про то, что лишний час на плацу продержали, вспоминать не будем.

А вот дальше...

«Явиться на судно по форме один не позднее заката сего дня».

Это как?

Эрван присвистнул. На всякий случай перечитал абзац – медленно, слово за словом.

Да, странно. Очень.

По железному правилу всю Бренданову неделю выпуск-

никам полагалось гулять, пить и веселиться. И не только им. На это время суровый Ключ превращался в большую площадку для карнавалов. Горожане отмечали конец постылой зимы, сезонники наслаждались отдыхом после бешеного аврала. Те и другие, на время забыв о взаимной неприязни, стекались в кабаки и таверны. К ним присоединялись моряки: впервые за полгода старые приятели могли наобщаться вволю. Абордажники зимней эскадры кутили на полную – ещё бы, им предстояло целых полгода тащить гарнизонную лямку. Ошалевший от холодов зимний гарнизон не отставал: всего неделя на то, чтобы пропить небогатое жалованье – и в море!

А ему вдруг – на судно. Сегодня вечером.

Зачем? И ладно бы просто явиться-отметиться... Нет же! Написано, по форме один – с полным снаряжением... Чтобы потом с корабля – ни ногой. Веселье отменялось.

Эрван хмыкнул, пожал плечами. Неприятно, да... Но не смертельно. Жил он без праздников четыре года и не умер как-то! Может, оно и к лучшему – от карцера подальше. А вот неопределённость... настораживала.

Эрван вспомнил глаза Хлыста, когда тот стиснул его руку и пригласил зайти, – внимательные и какие-то... тревожные, что ли? Ладно, чего гадать – там видно будет.

Эрван прикинул: до конца распределения минут двадцать, там ещё то-сё... Целый час делать нечего. А то и больше.

Он прислонился к стене, чтобы не затоптали ненароком, и начал разглядывать остальных. Старшие, украдкой поправляя новую, с иголки, офицерскую форму, один за другим покидали академию. Куча вещевых мешков быстро уменьшалась.

Эрван перевёл внимательный взгляд на однокурсников. Он видел: что-то в них изменилось, но не сразу понял – что. Ну нервное возбуждение, ясно, но не только... Наконец сообразил: курсанты, как и всегда, разбились на кучки по два-три человека, но состав их был уже другим! Былые связи распадались на глазах, вчерашние друзья-приятели расходились по разным углам коридора. Зато те, кто недолюбливали или не замечали друг друга, сейчас оживлённо беседовали, сведённые вместе распределением. Неудачники, которым досталось служить в одиночку, потерянно бродили меж остальных.

Ну да, разные корабли, разные судьбы...

Занятно. Сами парни ещё не осознавали толком, что происходит: слишком много суеты вокруг, не до мыслей. Потом, наверно, пожалеют, что расстались вот так... а может, и нет. Гм, если дружба кончается вот так, запросто, – была ли она?

Эрван невесело усмехнулся. Он был один. Терять было некого, расставаться не с кем и праздные размышления о дружбе его не касались.

Свой мешок он нашёл быстро. Еле развязал тугой узел,

затянутый опытной, но явно чужой рукой. Дотошно осмотрел пожитки. Вроде всё как полагается: дублет свиной кожи – один, холщовые рубахи – две, холщовые же штаны – одни. Фунт ржаного хлеба (вот на кой? – положено!). Ага, ещё сидр (ну, от этого хоть толк есть). Эрван придиричиво взвесил флягу в руке, встряхнул – не издала ни звука. Открыл – под горлышко. Отхлебнул – не разбавлено.

Что ж, хоть академия питомцев не баловала, но в дорогу снаряжала честно. И на том спасибо.

Он оглядел личные вещи – не стянули ли чего?

Удивлённо вскинул брови, не веря глазам.

Клинки были на месте.

Словно опасаясь спугнуть удачу, он не стал разворачивать тряпицу.

Осторожно коснулся эфесов: пальцы сквозь ткань ощутили знакомые выпуклости скрещённых ледорубов – эмблемы горной пехоты.

Вот и приходит их время... Один раз уже выручили – даст Бог, не в последний!

Но сегодня пусть полежат. Так, дальше... Письма с заставы в количестве шести штук. Негусто за четыре года. Хотя... Если прикинуть, скольких трудов стоило едва грамотным солдатам их написать да с оказией отправить с перевала, – не так мало.

Отлично. Всё на месте. А теперь...

Эрван лениво, будто нехотя, огляделся и начал стаски-

вать парадный дублет. Особого внимания он не привлёк – по меньшей мере десять человек делали то же самое. Никто и не заметил, как Эрван вытащил из-под связки писем истрёпанную тетрадь и пристроил за пазуху.

Потом накрепко затянул мешок, взвалил на плечо для верности и занял очередь в каптёрку.

– Садись.

Хлыст скупым жестом указал на стул.

Эрван замешкался. Не раз за четыре года ему довелось бывать в этом кабинете по разным, как правило неприятным, поводам, но сесть предложили впервые.

– Давай-давай! – Хлыст поморщился. – Неудобно так... разговаривать.

Эрван сел на краешек. Заёрзал, пытаясь устроиться поудобнее. С лёгкой тревогой покосился на Хлыста.

Наставник сидел за массивным столом, обитым темно-зелёной тканью. Руки его неторопливо оглаживали столешницу – Хлыст наблюдал за ними рассеянно, словно те принадлежали кому-то другому. Начинать разговор он, похоже, не спешил.

Эрван ждал.

– Считай, тебе повезло, – наконец произнёс Хлыст. – Не все хотели, чтобы ты сегодня в строю оказался...

Он посмотрел Эрвану в глаза – пытливо и цепко. Продолжил, улыбаясь одними губами:

– А теперь скажи напоследок: сам начал или вынудили?
Не врать!

Эрван поёжился. Юлить не имело смысла, дело всё равно сделано. Да и оставаться в академии ему по-любому даже не часы, а минуты...

– И да, и нет. Наверное, мог и стерпеть, но не стал.

Хлыст продолжал улыбаться, и чем дальше, тем меньше Эрвану нравилась эта улыбка.

– Не стал, значит...

Хлыст откинулся на спинку резного кресла. Сцепил худые руки, прищурился.

– А в голову не пришло, что ты из-за дурацкой ссоры чуть жизнь себе не перечеркнул? Гордость заела? Есть лекарство: камера или каменоломни – куда только гордость девается!

Хлыст говорил зло и громко, почти срываясь на крик. Казалось, ещё чуть-чуть – и отвесит оплеуху или чего похуже.

Эрван невольно втянул голову в плечи, но взгляд не отвёл: Хлыст терпеть не мог, когда от него прятали глаза. Лучше уж так...

– Молчишь?

Хлыст встал, перегнулся через стол, навис над Эрваном, сверкая глазами.

Эрван сглотнул. Покачал головой. Кое-как выдавил:

– Не в гордости дело. Если бы он только меня задирали... Я бы стерпел. Но он оскорбил горную пехоту.

Эрван ощутил, как вместе с воспоминаниями его захлё-

стывает волна гнева. В висках застучало, кровь прилила к голове. Больше не думая о последствиях, он в свою очередь повысил голос:

– Горную пехоту! Да, я вырос в горах. Да, я не знаю, кто мои мать и отец. Да, солдаты на заставе были мне как родители. Теперь их нет – они погибли, чтобы я жил! И я не позволю какой-то мрази издеваться над их памятью – и плевать мне, что будет!

Эрван встал, яростно сверля наставника взором.

Хлыст молчал. Долго, не меньше минуты. Эрвану показалось, что воздух в кабинете начал потрескивать от скрытого напряжения: ещё чуть-чуть – и грянет гром.

Неожиданно Хлыст улыбнулся. Кивнул с лёгкой грустью:

– Дурак. Но – честный! Примерно так я думал...

В голосе наставника Эрван уловил нотки одобрения. Показалось?

Хлыст опустил в кресло. Снова кивнул: садись, мол!

Эрван решил выдохнуть: кажется, гроза прошла стороной.

Хлыст меж тем продолжил обычным, чуть суховатым голосом:

– Ты полностью оправдан. Официальная версия – Бриант находился под колдовским воздействием и не отвечал за свои поступки. Обвиняемых нет, дело закрыто.

– Но как...

Эрван вдруг понял, что у него от удивления кончились

слова.

– Я хотел сказать... Ведь... Все улики были против меня, нет?

– Не совсем, – по лицу Хлыста скользнула лукавая усмешка. – Зря вы все считаете Туди слабаком. Когда ты отверг его помощь, он решил действовать сам. И видел как, а главное кто выкрал твои мечи.

– Кто?! – выпалил Эрван.

«Если нельзя дотянуться до Брианта, хоть с этим благодетелем рассчитаюсь!»

– Не твоё дело!

Хлыст умолк на минуту, сверля Эрвана взглядом.

Эрван покорно ждал.

– Считай, тебе повезло – огласка никому не нужна: ни тебе, ни... им. И довольно с тебя!

Хлыст закашлялся, будто слова на миг застряли в горле.

– На этом хорошие новости кончаются. Сегодня вечером ты должен оказаться на борту этого «Горностая». Насколько я знаю, он поднимет якорь на рассвете.

Эрвана неприятно удивил мрачный тон наставника.

– Так это же неплохо, разве нет? Чем меньше я буду тут глаза мозолить, тем лучше!

Хлыст нехотя кивнул.

– В общем-то да. Но мне это сильно не нравится... – Хлыст задумчиво разглядывал воздух у Эрвана за спиной. – Во-первых, я не знаю, что это за корабль.

– Вы?! – От изумления Эрван даже не заметил, как совершил немыслимый поступок – осмелился перебить наставника.

Хлыст кивнул.

– Это судно не приписано к Морскому Ключу.

– То есть как? Выходит, оно не боевое? Меня что – отпращивают рыбу ловить?

– И да, и... нет.

Хлыст досадливо поморщился.

– Рано мы вас отпускаем. Понятное дело: война рядом, людей не хватает... А всё равно – рано. Недоучили.

Короткая пауза.

– В Ключе принято считать, что все боевые корабли здесь: мол, настоящий флот – только мы! Единственная защита от угрозы с севера и всё в том же духе... Так думать приятно, лестно, но это неправда – есть и другие. Немало судов приписано к южным портам – от Устья до земель фаэри. Конечно, в основном там мелочь, люггеры да шлюпы – пиратов ловить. Но держат и покрупнее, на всякий случай. Похоже, «Горноста́й» из таких.

Хлыст тяжело вздохнул. Внимательно оглядел столешницу, смахнул невидимые пылинки. Продолжил тихо и угрюмо:

– Раньше он здесь не показывался – я бы знал. Зачем бросил якорь – понятия не имею. Уйдёт завтра, на остатках ночного бриза. И не исключено, что в Ключ он больше не вернётся.

Хлыст глядел на Эрвана исподлобья – испытующе и цепко.

– Для тебя это означает, что скоро ты исчезнешь отсюда. Быть может, навсегда. Понятно?

Забыв о приличиях, Эрван в задумчивости почесал затылок: назначение и раньше не особо нравилось, а уж теперь... Одно дело испариться на полгода-год, пока слухи не улягутся, и совсем другое – вот так. С концами.

Хлыст отвернулся и угрюмо посмотрел через свинцовый переплёт окна – туда, где играл свежими красками весенний день.

– И ещё: я видел заявочные списки: у них на борту не хватает четверых. Четверых матросов, если точнее. Интересно, правда? Им нужны обычные моряки – а направляют вас. Кроме тебя, ещё кадетов Илана, Энеура и Туди.

Хлыст сделал паузу. Испытующе посмотрел на Эрвана.

– Почему? Есть догадки?

Эрван напряжённо размышлял.

Свисток, Аптекарь, Конюх... И что у них общего? Учёба? Вряд ли. Конюх учился хуже всех, но ему и положено – будущий абордажник. Аптекарь? Этот, наоборот, учился здорово. Что ещё? Ну способный малый, штурман от Бога... В остальном ни рыба ни мясо, если и есть характер – чёрта с два разглядишь. Свисток? Гм... Свисток, он и есть Свисток...

Эрван нахмурился.

Сам он... Ну это разговор особый. И что в итоге?

Эрван пожал плечами. Хлыст вздохнул.

– Разочаровываешь. Неужели не ясно? Вы все – чужаки в Морском Ключе: Илан – сын крестьянина; Энеур и Туди – дети мелких торговцев. Сухопутные крысы.

Хлыст вновь поднялся с кресла. Опустив голову, принялся мерить шагами просторный кабинет.

– Ни один кадет из морской семьи на судно не попал. Случайность? Не думаю.

Хлыст остановился. Окинул Эрвана цепким взглядом.

– Скорее всего, их пожалели. Ну а вас... не жалко. Вот так.

Наставник подошёл вплотную. Оглядел увешанные желтоватыми картами стены: словно проверял, есть ли у них уши. Тихо продолжил:

– Всё, что я могу, – предупредить тебя. Смотри в оба глаза, на рожон не лезь – хватит уже. Надеюсь, я не зря возился с тобой эти годы.

Добавил еле слышно, почти шёпотом:

– Да, ещё... По дороге зайди в «Грот», теперь можно. Кем-то уже должен быть там. Скажешь, что от меня. Порасспрашивай его, я сам не успел, придётся тебе. Все понял?

– Кемо?

– Да, Кемо. Татуировщик. За годы через его руки прошли сотни болтливых матросов. Если кто-то что-то знает о «Горностае» – это он.

Хлыст опустил руку в карман.

– Само собой, его услуги не бесплатны. На, возьми.

В ладонь лёг увесистый кошель.

– И не вздумай отказаться.

Грозный взгляд упёрся Эрвану в переносицу.

Эрван сглотнул. Открыл было рот, намереваясь возразить... и захлопнул. Кивнул и аккуратно пристроил деньги за пазуху.

Долгая, тягостная пауза.

Эрван понял – время прощаться.

– Спасибо вам за все. И простите за эту историю. Я не хотел доставлять неприятности. Честно.

Хлыст улыбнулся.

– Ничего, Эрван. Помогая тебе, я отдавал старый долг.

– Как это?

Эрван с недоумением воззрился на преподавателя. Хлыст рассмеялся – искренне и неожиданно тепло, возле глаз появились лукавые морщинки.

– «Я сердце оставил под шапкою гор», – нараспев продекламировал он начало «Баллады о горной пехоте» и тут же проделал невообразимую для наставника вещь – засучил перед учеником правый рукав.

Эрван с изумлением увидел на худой, покрытой редкими волосами руке стилизованные меч и ледоруб. Справа от них виднелась полустёртая римская четвёрка.

«То ли четвёртый перевал, то ли номер части, поди разбери теперь», – Эрван едва не присвистнул: такие эмблемы

были в ходу лет двадцать назад, он и видел-то их пару раз в жизни.

Хлыст медленно кивнул, не отводя взгляда от глаз Эрвана.

– Да. Не ты первый, не ты последний. Мне пришлось поменять горы на море – и тебе придётся. Я, как видишь, не умер. Надеюсь, не умрёшь и ты.

Короткая пауза.

– Теперь иди. И удачи тебе.

Хлыст протянул руку. Эрван пожал её. Низко поклонился. Подошёл к двери. Повинуясь внезапному порыву, обернулся зачем-то, даже открыл было рот, хотя и понятия не имел, что хочет сказать...

Но Хлыст, его единственная защита и опора за четыре долгих года, уже погрузился в чтение пергаментных листов.

Его ждали. Толпа кадетов рассосалась, и теперь в конце опустевшего коридора, рядом с входной дверью, подпирали стену только Свисток, Конюх и Аптекарь. Вид у них был съёженный и несчастный, как у воробьёв посреди вороньей стаи. Вплотную к ним стояли шесть или семь верзил из свиты Брианта. Эрван никогда не мог запомнить их имён, да и не особо стремился – отличить их друг от друга всегда было делом непростым. И сейчас они скорее казались тёмной массой, напиравшей на троих приятелей, чем на отдельных людей.

Сам Бриант стоял в стороне от остальных, ближе к сту-

пенькам. Похоже, он давно не сводил с лестницы глаз.

На долю секунды Эрван смешался. Вернуться? Пересидеть у Хлыста? Поздно... Да и бессмысленно. Что он скажет Хлысту? Даже если Хлыст его пустит, что с того? Этим не надо вечером быть на судне, у них неделя впереди, а может, и больше. Всё равно достанут. Да и ребят надо выручать – похоже, их взяли в заложники. Хорошо, если в шутку...

Эрван набрал полную грудь воздуха, расправил плечи и пошёл навстречу.

Наконец его заметили и возле входа. Радостно загоготали, подбадривая Брианта. Тот не шевелился. Ждал.

Эрван подошёл вплотную. Нехорошо прищурясь, оглядел врага с головы до ног, краем глаза не забывая следить за остальными.

Бриант сильно изменился: исхудавшее лицо цвета грязного снега; расширенные не то от боли, не то от полумрака зрачки, в которых плясало пламя свечей, губы искривлены в безумной улыбке.

«Как у припадочного!» – отметил про себя Эрван.

Хмыкнул с деланным сочувствием.

– Плохо выглядишь, старина. Лекаря вызвать?

Бриант едва не задохнулся от бешенства. Он вскинул руки, узловатые пальцы устремились к горлу Эрвана...

Эрван широко улыбнулся.

– Давай, приятель, не останавливайся! Свидетелей полно, и Хлыст рядом... В камере тебе понравится, обещаю!

Бриант замер. Наградил Эрвана ненавидящим взглядом и прошипел:

– Ликуешь, Дикарь? Думаешь, выиграл? Не-е-ет... Со всем наоборот: так даже интересней!

Он хрипло рассмеялся.

– Привет «Горностаю»! Скоро ты пожалеешь, что сразу не сдох!

– Ну что? Пошли? Фу, пронесло! А что тебе Хлыст втолковывал? Мы уж волноваться начали...

Свисток, как обычно, первым обрёл дар речи: глаза его заблестели, короткий вихор встопорщился, плечи расправились – ну ясно, отлегло. Герой...

Эрван тепло улыбнулся.

А ведь не струсил, высмотрел всё и к Хлысту пошёл...

Эрван хлопнул однокашника по плечу.

– Спасибо тебе, старина!

Свисток уставился в пол – нечасто ему доводилось выслушивать благодарности.

– А сейчас – ходу! – бросил Эрван. – Закат скоро, а до пирсов топать и топать.

Всю весну он ждал этого, грезил, представлял в деталях: вот он поворачивает витую ручку, тяжёлые двери распахиваются, его встречает ласковый солнечный свет, целый город раскинулся перед ним и манит, манит... Дальше его мечты не заходили, но в одном он был уверен: момент прощания с

академией запомнит на всю жизнь.

Но, погрузившись в свои мысли, он едва заметил, как покинул здание, четыре года служившее ему пристанищем.

* * *

До «Грота» было рукой подать: вдоль по Гранитному переулку, потом направо, в щель меж ткацкой мастерской и пекарней, затем через канаву, по горбатому мостику – и вот он. Любой кадет мог с ходу описать этот путь, хотя мало кто был там хоть раз – увольнений на младших курсах не давали. Да и сейчас... Формально у них могли возникнуть проблемы: в давние времена «Грот» считался офицерской кантиной, и по старой памяти вход матросам туда был заказан. Вот были б на год старше, получили офицерское звание – тогда пожалуйста...

Эрван вздохнул.

Нарываться на пренебрежение, а то и отказ решительно не хотелось. А если патруль?

Незаметно для себя Эрван замедлил шаг. Оглянулся.

Сокурсники шли за ним, стараясь не отстать. Конюх перехватил взгляд Эрвана, вскинул густые брови. На широком веснушчатом лице отразилось недоумение.

– Эй! Куда это мы? Гавань в другой стороне – забыл?

– Сначала зайдём в одно местечко, Хлыст просил.

Аптекарь сжал тонкие губы, недовольно поморщился, но

смолчал. Конюх просто кивнул.

– Как скажешь.

– А куда? – Свистку, как всегда, было надо больше всех.

– В «Грот», – Эрван отвернулся.

– А зачем? А не вышибут? А на судно успеем?

– Успеем. Если болтать не будем, – Эрван вновь ускорил шаг.

«Грот» оказался невзрачным заведением, зажатым меж громоздких домов: узкий фасад с облупившейся дверью посередине; пара зашторенных окон с некрашеными ставнями; голые каменные стены – даже плющу тут не хватало света.

Эрван поднялся по истёртым ступеням. Прислушался. Изнутри не доносилось ни звука. Он постучал, сначала нерешительно, слабо, потом громче и настойчивей.

Наконец из глубины донёсся голос:

– Закрыто до шести! Проваливай!

Эрван глянул по сторонам – пока тихо. Но торчать у порога, дожидаясь патрулей? Нет уж! И времени всё меньше...

Он перешёл в наступление:

– Мне нужен Кемо!

Справа и слева раздался скрежет: в соседних домах спешно захлопывали ставни. Из глубины «Грота» донеслось шарканье подошв: щёлкнул засов, звякнула стальная цепочка. Из полумрака на парней уставилась пара внимательных глаз.

– Кемо? А зачем тебе Кемо? – Собеседник за дверью мигом разобрался, кто из них главный, и обращался только к

Эрвану.

– Да вот... Татуировку надо. Первое судно, завтра в море.

Эрван не солгал ни единым словом. Он действительно не прочь был сделать татуировку в дополнение к пехотной – все военные считали долгом чести оставлять на предплечьях свидетельства многотрудной службы. А что до основной причины... О том неизвестно кому знать необязательно.

Похоже, ему поверили – больше вопросов не последовало.

Эрван стоял и ждал.

Наконец едва видимый собеседник сказал просто и спокойно, без всякого выражения:

– Взяли Кемо. Сегодня утром. Плыви уж так, морячок.

Дверь с треском захлопнулась – только хлопья старой краски полетели.

– Слышали?

Эрван повернулся к своим: лица их выражали полное непонимание.

Он мельком глянул поверх голов...

Из-за угла появились четверо патрульных.

Обычная морская пехота: кожа бледная после зимы, на лицах выражение усталости пополам с недовольством. Идут вразвалочку и по сторонам не смотрят.

«Штрафники! – мгновенно сообразил Эрван. – Кого ещё в патруль назначат, когда вот-вот на корабли заступать? Остальные веселятся напоследок, а эти улицы топчут! Злые, наверное: поди объясни таким, чего мы тут ошиваемся...»

Он было потянулся в карман за назначением...

Из-за спин патрульных показались ещё двое – и Эрван застыл.

А эти откуда здесь?

Давно, очень давно не видел он фаэри: что за дело им, жителям южных лесов, до городской толчеи?

Ещё в незапамятные времена, когда людская конница легла под стрелами врагов, те могли захватить Арморику. Что противопоставить лучникам, бьющим точно в цель за полмили, и заколдованным стрелам, вгрызающимся в плоть будто корни?

Фаэри могли известить людей под корень... но не стали. Условия договора были на удивление щадящими: плати ежегодную дань, защищай северные границы, а в остальном – живи как хочешь.

Почему? Неизвестно – за сотни лет так и не нашлось человека, который до конца понял бы фаэри. Да и как поймёшь, если в Арморике их и нет почти: разве что крошечные отряды стрелков на северных перевалах...

Фаэри несли службу не дольше пары месяцев: горделивые и замкнутые, они не утруждали себя объяснениями и запросто могли покинуть заставу в разгар очередной заварухи. Правда, и на помощь могли прийти в самый неожиданный момент, повинувшись одним им ведомым приказам.

Тайна всегда обрастает догадками и слухами: понятно, солдаты на перевалах по-всякому изощрались в объяснении-

ях, одно невероятнее другого... Сходились в одном. Фаэри плохо себя чувствуют вдали от родных лесов, а уж каменные ульи, набитые людьми, для них и вовсе пытка.

Но тогда почему...

– Взять их!

Голос был негромкий. Сухой и хрипловатый, с лёгким присвистом.

Уголком сознания Эрван успел удивиться: приказ чужака прозвучал почти без акцента... А миг спустя крикнул что есть мочи:

– Дёру!!!

Что-что, а бегать они умели!

И дружно понеслись, не разбирая дороги: по узким кривым переулкам, через шаткие мостки для стирки белья, мимо безымянных складов и вдоль старых оград...

Топанье сапог и хриплое дыхание преследователей давно затихли вдали, а они всё бежали – пока хватало воздуха в лёгких.

– Всё! Не могу больше!

Свисток швырнул под ноги мешок и сел на корточки.

Эрван обернулся: никого. Прислушался: ни звука вроде... Кивнул.

– Ладно. Привал.

Они пристроились тут же, между глухой стеной и кустами

можжевельника. Долго молчали: каждый обмозговывал последние события в одиночку.

– Слушай, Эрван, может, расскажешь наконец хоть что-нибудь? – Свистка словно прорвало. – Кто такой этот Кемо? Почему его замели? А от патруля чего драпали – бумаги-то у нас в порядке?! Что тут фаэри делают – какого чёрта им от нас надо? И вообще – что происходит?

– Ладно-ладно, – Эрван поднял ладони, будто защищаясь. – Про фаэри не знаю, подумать надо. Ясно только, что не к добру всё это... А что знаю, расскажу. Только не здесь, ещё беду накличем...

Когда они подошли к рынку, Эрван почти закончил.

– ...Вот этого Кемо, который что-то знал о «Горностае», замели сегодня утром – сами слышали. А заодно и нас чуть не прихватили.

Эрван обвёл троицу взглядом.

– Такие дела. Есть у кого-нибудь идеи?

– Паршиво это всё пахнет, спору нет, – против обыкновения, Конюх отозвался первым. – И что дальше? Кому охота дезертировать? Тебе? Мне?

Он развёл руками, покачал головой. Вздыхнул.

– То-то и оно. Деваться некуда, а значит, мы сейчас пойдём на этот «Горностай» и скоро будем знать о нём больше, чем любой в этом городе. А может, оно и к лучшему – на суше больно неуютно стало!

Аптекарь и Свисток кивнули: и впрямь – ни убавить ни прибавить. Эрван спорить не стал.

– Верно. Скоро пойдём. Осталось одно дельце закончить.

– Слушай, может, хватит темнить? – Конюх насупился, руки сжались в кулаки.

– Это надо, то надо... Сначала туда иди, потом сюда... Мы вместе или как?

– Да не темню я, – Эрван пожал плечами. – Просто хотел по рынку пройтись. Может, подарок Хлысту подберу – есть за что.

– Хлысту? Тогда ладно! Он мужик справедливый!

Конюх разом оттаял.

– Это за то дело, да? – Свисток с пониманием глянул на Эрвана.

Эрван молча кивнул: «Я б и тебе подарок сделал... Да ты же не примешь, дурень! Знаю я тебя...»

– Ага, – Эрван вложил в улыбку всю теплоту, на которую был способен. – Да ты и сам погляди в оба глаза! Может, своим чего купишь: есть кому послать, верно?

Свисток густо покраснел и отстал на пару шагов.

Рыночная площадь кипела. Теснота в проходах была такая, что казалось, толпа вот-вот раздавит хлипкие деревянные лотки и парусиновые навесы. Моряки из обеих эскадр, морская пехота из гарнизона, дородные раскрасневшиеся женщины в сбитых набок чепцах – все они кое-как прокла-

дывали себе путь в толпе, ожесточённо работая локтями. Были и другие – невысокие, с мятыми лицами, в неброских одеждах. Пряча глаза, они легко скользили в толпе, будто серые акулы среди китов.

– Карманники, – вполголоса предупредил Эрван: – Держимся плотно, следим за мешками.

Протиснулись мимо лотков с нераспроданными устрицами, начинавшими издавать характерный запах. Продрались сквозь рыбные ряды, где на скользких прилавках рядами лежали разделанные тунцы. Прошли мимо зеленщиков, едва видимых за душистыми кипами своего товара. Мясной ряд, пекарный...

Наконец, прорвавшись сквозь сутолоку продовольственных рядов, достигли ремесленного квартала.

Облегчённо вздохнули: покупателей тут было не в пример меньше. Огляделись.

Лавки выходили одной дверью на улицу, ведущую к гавани, а другой – на рынок. Там же, под нехитрыми тентами из старой парусины, ремесленники и выкладывали свой товар.

Эрван сбавил шаг, завертел головой: эх, рассмотреть бы не спеша... Да времени не хватало.

Ну и что подарить?

Эрван в смущении почесал затылок: дела... четыре года знаком с человеком, а что тот любит – выяснить не удалось!

Ладно, сейчас прикинем... Хлыст раньше преподавал на-

вигацию – значит, можно подарить астролябию, карты или квадрант. Нет, не годится: вдруг он, прикованный к суше, расценит это как насмешку уходящего в море? Да и сыт он по горло небось всей этой штурманской наукой. Да и не видно на рынке ничего подходящего.

Ага, вот посудный набор. Красивый: изящная пара ножей, двузубые вилки чёрного серебра... Ну да, вот обрадуется такому подарку одинокий стареющий человек!

Эрван поскрёб подбородок: задачка оказалась не из лёгких.

Меж тем парни у него за спиной даром времени не теряли. Свисток уже умудрился купить разлапистый коралл с голову размером и теперь осторожно прижимал его к груди, стараясь не повредить хрупкие отростки.

– Хм... – Эрван с недоумением оглядел розовые ветки. – Ты это кому?

– Домой, ясное дело! – Свисток округлил глаза. – Сёстрам отправлю, кому ж ещё!

– Ага. Сёстрам, значит, – Эрван хмыкнул. – За пятьсот миль. Посуху, в тряской телеге... Ты понимаешь, во что он превратится? Хорош подарочек!

Свисток ойкнул и исчез – только его и видели.

Покупка Аптекаря оказалась иного свойства: тугой холщовый пакет с фиолетовым клеймом.

– Отцу, – коротко пояснил он, заметив взгляд Эрвана. – Лечебные травы. У нас таких нет – вдруг помогут?

Конюх своё приобретение сразу упрятал за пазуху и нахмурился, заранее пресекая неуместные расспросы.

Время уходило. Эрван осмотрел все сувенирные, гончарные, скобяные лавки... Оставались только кузнецы. Хотя дарить оружие у Эрвана и в мыслях не было, он с отчаяния направился к пирамидам багров, связкам абордажных топов и тускло блестящим тесакам. У третьего по счету прилавка Эрван замер: двери лавки были широко раскрыты, и он без помех разглядел скудное убранство комнаты, слабо освещённой пламенем камина: колченогие табуреты возле грубо сколоченного стола; древний громоздкий буфет; несколько расписных тарелок на серой каменной стене и среди них – броское овальное пятно.

Гравюра?

Эрвана отделяло от неё не меньше пятнадцати футов, да и трудно было разглядеть детали в вечернем сумраке, но Эрван не сомневался – фоморская работа. Эрван с детства удивлялся способности нордов обычным резцом, без всякой краски, передавать тончайшие оттенки тёмного. Бледно-жёлтый цвет гравюры, различимый несмотря на розоватые отсветы огня, не оставлял сомнений – рисунок на кости. Он тревожил, завораживал, притягивал взгляд... Вроде и не разберёшь толком – а глаз не отвести!

Эрван застыл, не моргая. Минута. Другая... Третья... По щекам потекли слезы. Мир вокруг размылся, а картина словно приблизилась к нему, обрела чёткость.

Неизвестный резчик был гением. Непонятно, как он смог добиться такого эффекта, но крутобокие валы с барашками на вершинах, темно-серые тучи над мачтами, туго надутые паруса корабля, режущего кипящий океан, – все будто двигалось, разве что звуков не издавало. Ярились пенные буруны под форштевнем – судно, казалось, вот-вот пересечёт границы картины и окажется в комнате.

У Эрвана возникло ощущение, что он смотрит в иллюминатор. Потом в воронку. В ушах зазвенело, подкатила тошнота, в висках застучала кровь. Краем гаснущего сознания Эрван ощутил, что вот-вот упадёт. Сил отвернуться уже не оставалось, единственное, что он сумел сделать, – закрыл глаза.

– Эй, парень! Ты что, спать тут собрался? Может, лежак вынести? – Хозяин лавки, все это время наблюдавший за Эрваном из-за груды железок, решил, что клиент достаточно насмотрелся.

– Нет, спасибо, – Эрван затряс головой. Сглотнул. – Уже выспался.

– Вот и хорошо. Братъ что будешь или так, зенки пялить? К вечеру продавцы становились куда менее вежливыми и предпочитали брать быка за рога.

– Может, и буду, – Эрван старался говорить с безразличной ленцой. – Картина у вас вон интересная. Она продаётся? Взглянуть можно?

Глаза хозяина алчно сверкнули.

– Тут все продаётся. Взглянуть можно. Погоди только, сам вынесу. Нечего тебе внутри делать.

Лавочник недовольно пробурчал что-то, однако быстро и сноровисто, будто кошка, взлетел по каменному крыльцу, проник в комнату, метнулся к стене, сорвал картину и вернулся. На всё про всё не ушло и пяти секунд.

Эрван осторожно, обеими руками, взял костяную пластину. Она оказалась неожиданно тяжёлой и чуть тепловатой.

Может, от камина нагрелась?

Эрвану не раз доводилось видеть фоморскую резьбу: через горные перевалы, вечно пребывающие в состоянии полувойны-полумира, иногда проникали их купцы. Само собой, вглубь материка чужаков не пускали, и торг разворачивался прямо на заставе. Северяне везли грубо выделанные шкуры, перемётные сумы, до отказа набитые гагачьим пухом, связки мехов диковинных белых лисиц.

И резную кость.

Все сюжеты изображений сводились к одному – охоте. На птиц, рыбу, диковинных зверей ростом с медведя... Иногда попадались ещё пластины с непривычными узорами из тонких штрихов. Такие ценились особенно: говорили, что, если смотреть на рисунок достаточно долго, – линии на нём оживают. Следить за их извивами – и удовольствие, и отдых. Утверждали даже, что обладатель такого чуда не нуждается в сне.

Эрвану, само собой, не довелось это проверить: откуда деньги у мальчишки с захудалой заставы?

Но Эрван, хоть и видел подобное лишь издали, знал твёрдо: такие узоры никогда ничего не изображают – хаотичное переплетение линий, и всё.

А здесь... Изыщный контур судна, скользящего по бурным водам. На заднем плане менее детально, но вполне узнаваемо – горные пики и остроносые рифы в бурлящих венцах. Выше – чёрное небо, изрезанное плетями молний. Совсем далеко, почти на линии горизонта – полупризрачные силуэты диковинных кораблей с парусами, похожими на крылья.

Вряд ли неизвестный фомор мог часто видеть людские суда – откуда? Тем не менее оснастка корабля была видна в мельчайших подробностях: грот и фок зарифлены, кливера и стаксель на бушприте туго надуты ветром, над ними – белая полоска штормового вымпела.

Судно явно силилось уйти от преследователей, но мрачное ощущение, пронизавшее картину, не оставляло сомнений – попытка безнадёжна.

– Откуда это у вас? – Эрван с трудом отвёл взгляд от обречённой шхуны.

– Да так, купил по случаю, – хозяин лавки дёрнул плечом: то ли от холода, то ли от каких-то неприятных воспоминаний. – Ну как, берёшь?

– Смотря сколько просишь... – осторожно начал Эрван, стараясь не выдать интереса. Торговаться он умел с детства,

без этого бедняку жизни нет. Однако лавочник торгом себе на хлеб зарабатывал и, конечно, заметил всё: и жгучий интерес Эрвана, и нарочито небрежный вид, который тот пытался на себя напустить.

– Семь ауреусов! И по рукам! – Лавочник довольно подмигнул.

– Семь? Да за фоморскую кость в жизни больше одного не давали!

– Парень! – Лавочник нахмурился. – Я и сам не дурак поболтать, но не сейчас. Или плати, или проваливай, мне всё равно. Висела эта картина на моей стене, пускай и дальше висит.

– Семь фунтов серебром? Я похож на ходячий рудник? – Эрван решительно замотал головой. Поднял руку, показал три пальца. – Вот красная цена.

– Парень... – Лавочник заговорил тихо и вкрадчиво. – Хочу, чтобы до тебя дошло: я не зарыдаю от восторга, если продам эту штуку. Ты её на витрине видел? Так-то вот.

Он безразлично пожал плечами.

– Короче, некогда мне с тобой препираться, темнеет уже: берёшь или нет?

Эрван смешался: семь золотых монет, семь фунтов серебром – громадная сумма. Он и одного ауреуса в руках не держал, а за три года в академии, отказывая себе во всем, еле-еле скопил два фунта с мелочью. Ещё фунт добавил Хлыст, дай Бог ему здоровья. Конечно, не для того, чтоб Эрван швы-

рял деньгами на рынке, а на подкуп Кемо, но разве Эрван виноват, что с татуировщиком ничего не вышло? К тому же эти деньги к Хлысту и вернутся – в каком-то смысле.

Он глубоко вздохнул. Лавочник молча наблюдал.

Ладно, три фунта есть, а толку? Всё равно мало. Плюнуть бы хапуге в рожу и уйти, но где найдёшь теперь подарок? А время уходит...

Торговцы потихоньку складывали товар и подсчитывали выручку. В окнах ближайших домов загорались огни.

– У меня три с мелочью, – выдавил наконец Эрван.

– Иди-ка ты, парень. Время позднее, – почти ласково посоветовал лавочник.

– Хорошо, – решил Эрван. – Есть ещё кое-что. Два клинка.

Он быстро, словно боясь передумать, скинул с плеч мешок. Развязал тряпицу и достал мечи.

Даже в зыбком полумраке было видно, насколько они хороши. Полированные лезвия, будто тронутые морозным узором, отливали серебристо-синим, режущие кромки были идеально ровными, без единой зазубрины. Простые и надёжные гарды без единого украшения. Рукояти им под стать – ничего лишнего, зато обернуты акульей кожей тройной отделки.

Лавочник, как и большинство мужчин в Морском Ключе, в оружии толк знал.

– Плетёная сталь! – присвистнул он. – Интересненько...

Ну и как к тебе, молодой человек, попала в руки эдакая прелесть? На толстосума ты не похож, прости уж за прямоту!

– Не украл, не бойся. И довольно с тебя, – отрезал Эрван. – Отдаю оба и три фунта серебром в придачу. Идёт?

Лавочник, лукаво поглядывая на Эрвана, взял клинки. Уверенно и ловко рассёк лезвиями воздух. Описал пару изящных восьмёрок. Подбросил оба меча, поймал на вытянутые указательные пальцы, будто фокусник. Одобрительно цокая языком, проверил баланс. Кивнул:

– Хорошие штучки.

Он широко улыбнулся и дружески хлопнул Эрвана по плечу.

– Забирай обратно. Мне почему-то кажется – тебе они нужнее.

Он склонился к уху Эрвана и шепнул то ли в шутку, то ли всерьёз:

– Хорошо, жена не видела, как ты эту дрянь сторговываешь! Она б ещё приплатила, лишь бы ты забрал её с глаз долой. Бойтся она. Что поделаешь, бабы...

Сначала шли быстрым шагом, пытаясь не растерять друг друга в праздничной толпе. Ближе к гавани припустили рысью, затем перешли на галоп. И все равно еле успели: когда добрались до порта, солнце почти утонуло в океане.

– Что за... Снова они? – выдохнул Свисток, отирая пот со лба.

Подле ветхой караулки с тёмными провалами окон стояли четверо. Длинные плащи на узких плечах, неразличимые лица под низко надвинутыми капюшонами, в руках корявые посохи – словно ветви деревьев нарезали на куски да так и оставили, даже не очистили толком...

Эрван остановился. Остальные сгрудились позади – он слышал их тяжёлое дыхание.

Люди не любят стоять неподвижно: то с ноги на ногу перемнутся, то головой повертят, то зевнут со скуки... А эти – не шевелились.

Совсем.

Опять фаэри! Что им тут надо и... где охранники порта?

По спине пробежал холодок, в горле будто застрял склизкий ком. День паршиво начался и неизвестно как закончится...

Эрван сглотнул. Стараясь, чтобы голос прозвучал уверенно и чётко, произнёс:

– Выпускники морской академии! Имеем предписание прибыть к месту службы! – Он достал из-за пазухи мятый листок. Сзади послышался шелест – остальные последовали его примеру.

Тишина в ответ.

Эрван почувствовал, как лоб покрывается испариной.

Конечно, их пытались задержать далеко, на другом конце города... Но вдруг эти уже знают? Или узнают прямо сейчас?!

Фаэри могут общаться силой мысли, и расстояние им не помеха – кого хочешь спроси! Штука в том, что делают они это редко – иначе давно бы говорить разучились. Почему так? Загадка...

«Угу. И ответ узнать я бы не отказался!»

Эрван понял: ещё миг – и он сорвётся. Побежит во весь дух, наплевав на последствия: мимо караулки, в сторону океана, подставляя спину безжалостным стрелам...

«Не дури!»

Он солидно, по-взрослому откашлялся и произнёс:

– Простите, господа, – время позднее, а у нас служба. Мы можем идти?

Томительная пауза... и четыре слитных кивка – будто статуи ожили на миг и замерли вновь.

Держа бумажки с назначениями на манер щита, они прошли мимо фаэри. Не оборачиваясь, Эрван наострил уши: ничего, кроме плеска волн у причала да отдалённых звуков музыки.

Эрван тихо выдохнул: вряд ли фаэри смотрели вслед – какое им дело до кучки людей? И все же...

Вопреки всему он был готов поклясться: спину его буравят холодные внимательные взгляды.

Саженьях в трёхстах от судна сбавили шаг, одёргивая форму и вытирая пот: явиться к первому месту службы не пойми как – нет уж, увольте! Уж лучше опоздать.

До поры молчавший Аптекарь воспользовался паузой:

– Если они вошли в Ключ, значит, война и впрямь – не сегодня завтра.

Свисток невесело вздохнул.

– Ладно бы только в город... В гавань, понял? Они ж солёной воды терпеть не могут! Если фаэри старые договоры пустили коню под хвост... нам ещё крупно повезло с этим «Горностаем»! Чем дальше от Ключа, тем лучше.

Конюх запустил пятерню в густые волосы, озадаченно хмыкнул.

– Да, наверное... Эти-то – нагнали страху! Раньше ведь я их не видел, – произнёс он, будто извиняясь. – А теперь думаю: и век бы не знать – уж лучше враги, чем такие... союзники.

– Да какие они союзники? – хмуро бросил Эрван. – Говори уж прямо: Хозяева.

Эрван Гвент. Дневник.

...повезло с «Горностаем»? Ну-ну!

Нет, не так. По порядку.

Кеч – он и есть кеч: длинный бушприт с утлегарем; высокая грот-мачта по центру палубы, а бизань, наоборот, крошечная – будто на вырост. Что ещё? Корма узкая, приземистая – с высокого пирса и разглядишь-то не сразу. Камне-мёт здоровый, как на крейсере... или это гарпунный лук? Под чехлом не разобрать. Короче, ничего особенного, толь-

КО ВОТ...

Когда дошлёпали до места, судно заканчивало погрузку, одна подвода оставалась. Квартирмейстер, тощий носатый старикан по имени Жорд, цапнул у нас листки с назначением и сразу пристроил к делу: ну ясно, представляться капитану – офицерская привилегия, куда уж нам!

Нет, опять не о том пишу! Хожу кругами...

Когда Жорд, обдавая нас винными парами, рявкнул: «А ну живей таскай, молокососы! Кто знает, может, для себя стараетесь!» – у Свистка хватило ума спросить: «Может, для себя – это как?»

Жорд икнул и ухмыльнулся: «А ты разуй глаза!»

Пригляделись: мешки из колючей рогожи, аккурат в человеческий рост – я видел такие на заставе...

Мы грузили саваны.

Глава 4

«Горностай». Судовой журнал.

...Третий день Брендановой недели, по римскому исчислению – двадцатое мая. Курс юго-запад. Ветер южный, слабый. Створные знаки на траверзе, триста сажень. Море спокойное, чистое.

Состояние рангоута, такелажа удовлетворительное. Больных, раненых нет. Происшествий нет.

Капитан Салаун.

Слабеющая буря уползала на север. К полудню за кормой ещё ворчал сине-серый, в прожилках молний грозовой фронт, но прямо по курсу небо расчистилось. «Горностай» ровно шёл под кливерами и бизанью.

– Подъём! Давай, давай, давай-давай!!!

Эрван потянулся к люку.

Кадеты выползли из трюма, вялые как зимние мухи. Эрван сощурился от яркого солнца, ошалело завертел головой.

Мятые физиономии цвета капустного листа, тёмные мешки под глазами... На ладонях и вокруг кистей – неряшливое тряпье с пятнами крови. У Свистка на лбу багровела ссадина – след удара о мачту. Все трое разглядывали голубое небо, будто забытую диковину.

Эрван не мог видеть себя, но подозревал – он выглядит

не лучше.

Впрочем, остальные матросы тоже не казались бодрячками. Они явно предпочли бы отлежаться в гамаках и что-то неодобрительно бурчали, бросая угрюмые взгляды на боцмана.

– Цыц! Господа будущие офицеры – под начало Жорда. И если, когда пробьют склянки, гарпунный лук ещё будет на палубе... жалеть будете до конца жизни, не будь я Бастиан!

Эрван вдруг осознал – он впервые получил возможность рассмотреть боцмана как следует: в ночь перед отплытием тот казался бесформенным силуэтом размером с медведя. Разговор тогда получился коротким и не слишком тёплым: «Кадеты? Ну-ну. Я Бастиан. Пока вы на моем судне, я для вас бог, а бог – это я. Уяснили? И ещё: мне нужны матросы, а не хлыщи из академии, со всякими там „вы“ и прочее. И плевать мне, чего вы хотите и что о себе думаете. Ваше дело – тянуть шкоты и молчать в тряпку».

И они тянули шкоты. Не успели пройти и сотни миль, как на «Горностай» обрушился шторм – большая редкость в конце весны. Может быть, Эрван и подумал бы, что это плохая примета, да времени не было – три дня на ногах. Если, конечно, волна не сбивала с этих самых ног. Гамак в сыром кубрике казался самым желанным местом в мире, но добраться до него удалось всего один раз – остальные двое суток дремали урывками, кое-как примостившись у шпигатов.

А боцман, похоже, не спал вовсе и был везде сразу: днем

и ночью его громовой рык перекрывал грохот волн, подготавливая измученную команду. Но и тогда глазеть было некогда – спасибо, за борт не смыло.

Теперь Эрван во все глаза глядел на боцмана, картинка того стоила: огромный, широкоплечий, с рыжей гривой до плеч, он походил на раскормленного льва. Мощная шея и покатая спина выдавали недюжинную силу, а тугой выпирающий живот изобличал человека, не отказывающего себе в простых жизненных радостях. Вместо матросской рубахи – грубый кожаный жилет прямо на голое тело; у бедра – плетёная лента пращи.

Но интереснее всего были руки: разноцветные татуировки с эмблемами кораблей покрывали бугры мышц от плеч до кистей.

Эрван едва не присвистнул.

Не меньше полутора десятков! Когда успел? Каждый год он суда менял, что ли? Лет ему вроде не сильно за сорок...

Засмотревшись на боцмана, Эрван не сразу заметил – тот и сам наблюдает за ним. Прежде чем отвести глаза, Эрван успел поймать взгляд Бастиана – оценивающий, угрожающий... и в то же время мрачно-обнадёженный. В горах Эрвану доводилось видеть подобное – так снежные волки смотрели на добычу.

Жорд своё дело знал: его узловатые руки быстро и уверенно разбирали, развинчивали, отделяли части гарпунного лу-

ка, при этом успевая любовно оглаживать каждую. К ответственной процедуре он кадетов не подпустил – тем осталось лишь отнести детали на полубак.

– Эй, парни! Стойте, вам говорят!

Эрван на пару с Конюхом тащил направляющую в дюжину футов длиной. Твёрдое дерево врезалось в плечо, не давало обернуться, закрывало обзор справа. Задыхаясь от натуги, он не сразу сообразил – Жорд обращается к ним.

Свободное плечо ожгла боль: возле ног шмякнулся камень.

Эрван вспомнил ленту на поясе Бастиана.

Проклятый боцман! Пращой! Ждал момента... Но за что?!

Зашипел Конюх – второй снаряд достался ему. Вокруг раздались одобрительные выкрики: матросы предвкушали дармовую забаву.

– Эй, придурки! Уши на берегу забыли? Тащите в трюм, к арсеналу. Там принайтовать. Быстро!

«Интересно, почему лук и всю требуху на корму, а направляющую – в арсенал? И вообще, что за нелепость – разбирать? Да ещё и растаскивать части по разным местам? А если нападёт кто? И почему гарпунный лук, а не камнемёт? Значит, все-таки китобоец, не рейдер?» – Обдумать мысль как следует Эрван не успел: приложился свежим синяком о переборку – мигом стало не до того.

Пока они, ругаясь вполголоса, копошились в темноте и

тесноте, палуба изменилась до неузнаваемости: гарпунный лук разобрали до станины, место между полуютом и мачтой расчистили, возле бортов и на вантах устроились зрители.

Наверху Эрвана с Конюхом встретил нестройный гомон. Под прицелом десятков недобрых глаз Эрван съёжился – похоже, будущее ничего хорошего не сулило.

Непринуждённо держа в руках охапку учебных мечей, вперёд выступил Бастиан.

– Дорогие гости нашего судна! – Матросы одобрительно загоготали. – Да-да, гости! Потому что моряки из вас паршивые, хуже не видел.

Бастиан кивнул на израненные руки кадетов. Осклабился:

– Офицеры... Ха, да из нашего юнги быстрее выйдет офицер, чем из вас!

Среди зрителей послышались смешки.

– Но, может, вы бойцы, каких свет не видывал?

Боцман сдвинул брови, покачал головой.

– Вряд ли. А впрочем... сейчас проверим.

Бастиан подошёл вплотную. Небрежно свалил мечи курсантам под ноги. Добродушно улыбнулся.

– Ваш выход, господа. Прошу!

Мечи как мечи, Эрван привык иметь дело с такими: неухватистые деревянные чушки, сравнимые по весу и длине с боевым оружием... вот только на заставе, да и в академии поверхность всегда как следует зачищали. А тут – все

«лезвие» в занозах! Вряд ли подобное объяснялось небрежением Бастиана: за три дня Эрван успел заметить – порядок на судне был образцовый. Скорее, боцман оставлял занозы специально – чтоб каждый урок шёл впрок. Прозевал удар – не скоро забудешь!

Эрван поёжился.

– А тобой, парень, я займусь сам. – Боцман подмигнул беспечно и весело. Может, Эрван поверил бы... если б не уловил беспощадную свирепость в глубине глаз. Удивляться, почему и за что Бастиан его невзлюбил, было некогда: Эрван сел на корточки и сосредоточенно принялся выбирать оружие.

Под тяжёлым взглядом боцмана Эрван выбрал пару деревяшек чуть тоньше и длиннее остальных. Выпрямляясь, бросил взгляд на Бастиана. Успел заметить насмешку в уголках рта: наверняка тот легко прочитал мысли Эрвана.

Ну да, какие уж тут секреты... Всего-то козырей – длина и малый вес клинков. Да ещё молодые ноги. Значит, быстро перемещаться и сохранять дистанцию – если повезёт, противник устанет раньше. А вот что на уме у боцмана?

Эрван был уверен: разведки не будет, слишком уверенным и довольным выглядел Бастиан. С первых мгновений стоило ждать яростной атаки.

Краем глаза он видел, как составились остальные пары. Жорд выступил оппонентом Аптекаря, напротив Конюха и Свистка оказались незнакомые матросы из другой вахты.

Удары посыпались градом – Эрван едва успел встать в позицию. Проклятый боцман одинаково легко действовал обеими руками, и невозможно было вычислить, с какой он начнёт атаку. К тому же он был сильнее Эрвана. Намного сильнее: каждый выпад противника отзывался болью в суставах. Перейти в нападение Эрван и не пытался: все силы, все внимание были поглощены обороной. Надежда превзойти соперника в скорости испарилась начисто – несмотря на внушительные габариты, боцман опережал его!

И похоже, успевал развлекаться от души, играя с противником, словно терьер с крысой.

Сохранить дистанцию не вышло – спина упёрлась в мачту. Эрван попробовал закрыться наглухо, сиюсь одновременно держать в поле зрения лицо и клинки противника. Тщетно!

Кулак Бастиана возник неведомо откуда, с хрустом воткнулся в челюсть.

«А меч где?» – успел подивиться Эрван. Затем понял, что летит, краем глаза заметил белое облако, наполовину заслонённое грязно-серым парусом...

Солёная вода в лицо. Много – целый ушат.

Он полулежал у фальшборта, неудобно вывернув шею. Свежая шишка на затылке теплела, наливалась болью, напряжённо пульсировала. Сильно тошнило.

– Встань и дерись!

Эрван еле расслышал голос Бастиана – мешал звон в ушах.

Неужели боцман обращается к нему? Он ведь уже победил, чего ему надо?

– Я сдаюсь – просипел Эрван.

Бастиан улыбнулся во весь рот.

– Нет. Здесь бои заканчиваются только по моей команде. Встань и дерись!

Эрван кивнул. Поднялся. Медленно подошёл к оброненным мечам. Хотел было наклониться, но передумал. Аккуратно присел на корточки, чтобы избежать прилива крови к голове. Взял оружие. С трудом, еле подавляя стон, выпрямился и встал в позицию.

Среди зрителей послышался ропот. В начале схватки они явно поддерживали Бастиана: как же, урок «белой кости»! Теперь матросы начинали жалеть парня: похоже, многие свели знакомство с кулаком боцмана, и злорадство мало-помалу уступило место сочувствию.

Остальные поединчики закончили схватки и растворились в толпе зрителей. Теперь вся палуба оказалась в распоряжении Эрвана.

Поздно! Десять минут назад это могло бы дать преимущество, но теперь Эрван едва стоял на ногах.

«...Просто держаться. Как можно дольше», – опять обрывок мысли. Зачем держаться? Он уже не помнил. Сознание

покидало его, мир растворился в белесой мути – остались только довольное лицо боцмана да хищный веер клинков перед глазами.

Нога! Правая...

Занозы пронзили холстину штанов, глубоко впились в кожу. Бастиан дёрнул меч назад – будто пилой провёл. Эрван не удержался, припал на колено. Пропустил выпад в плечо. Потом в голову.

Опять вода в лицо.

– Встань и дерись!

Подъем. Ноги дрожат, отказываются держать непослушное тело.

Встать в позицию. Поднять голову. Продолжить.

Удар в солнечное сплетение, сильный и точный...

Эрван скорчился, мешком осел на палубу. В мире будто кончился воздух: отчаянные попытки вдохнуть ни к чему не приводили, лишь вызывали безумную, на грани терпения, боль. Звон в ушах, лиловые круги перед глазами...

Потом – темнота. Надолго.

Очнулся Эрван от головной боли.

День сейчас или ночь? Где он?

Под спиной – плетёные клетки гамака. Ага! Похоже, он в матросском кубрике, на своём месте. Уже неплохо. Но где

все?

Он не сразу понял, что говорит вслух.

– Наверху, где ж ещё, – ворчливо отозвался детский голос. – Пить хочешь?

– Не откажусь, – кое-как выдавил Эрван.

Осторожно, стараясь не потревожить ноющий затылок, он скосил глаза: справа от гамака стоял мальчишка лет двенадцати на вид.

Узколицый, кареглазый; невысокий и тощий как розга – того гляди переломится... Одет как рядовой матрос, только на лбу щегольская повязка – чёрная, с изящной серебряной вязью. Вроде бледноват для моряка, хотя в полумраке не разбери-поймёшь...

В руках Эрвана очутилась тяжёлая кружка, ноздри уловили кислый запах яблок. Он зажмурился и сделал глоток.

Перебродивший сидр ударил в нос, от неожиданности Эрван закашлялся. Несколько капель пролились на подбородок.

Парень ловко подхватил кружку, налил ещё.

Хмель быстро растекался по венам: боль уходила, слегка зашумело в ушах, руки налились ватной тяжестью. Даже пальцем пошевелить не хотелось – не то что руку за кружкой протянуть.

– Ну как, лучше?

Эрван молча кивнул – разговаривать тоже не хотелось.

– Это пошло мне Лоэ велел принести, лекарь наш. Что уж он туда подмешал, бог весть. Но дело своё он знает, не бойся. Ещё будешь?

На этот раз Эрван взял кружку словно ребёнок, обеими руками. Выпил до дна. Осторожно пристроил затылок на кипу тряпья. Смежил веки.

Интересно, что лекарь туда намешал? Неважно, главное – боли нет. Эх, поспать бы... Нет, не поддаваться... Говорить, говорить... Не молчать. Не закрывать глаза.

– Спасибо. Хорошая штука. И лекарь у вас того... неплохой.

Эрван облизал немеющие губы.

– А то! Он недавно у нас, меньше года, но его все уважают, хоть он и не моряк вовсе. Когда Жорд до синих чертей налакался, господин Лоэ его, почитай, с того света вытащил! Только вряд ли надолго: старый дуралей пить так и не бросил.

Мальчишка, счастливый, что обнаружил нового слушателя, трещал без умолку.

– Да, ну вот. А когда я с мачты брякнулся и ребра переломал, он меня мигом на ноги поставил. А когда...

– Ладно-ладно, я понял, – Эрван поднял ладони, будто закрываясь от словесного половодья. – Хватит пока. Скажи лучше, ты кто и звать тебя как?

– Как это – кто? Юнга я. Звать Яник, – глаза мальчишки полезли на лоб: неужто есть на свете человек, который его не

знает? – Я все умею: хоть марсовым, хоть на камбузе, хоть на румпель встану. Вот так-то!

И тут же, без перехода:

– А за что Бастиан на тебя взъелся?

– Взъелся?

– А то! Сколько его знаю, никому от него так не доставалось! Слушай, а может, ты ему сделал что?

Эрван неопределённо хмыкнул.

И верно, должна быть причина... Дорогу боцману он перейти не мог – когда б успел? Денег у него не занимал, друзей его не трогал. Непонятно...

Эрван покачал головой, невольно зашипел: в затылок будто гвоздь вогнали.

– Темнишь... – не поверил Яник. – А толку-то! Все равно наружу вылезет. Ну ладно, бывай пока. Тебе на вахту скоро.

Эрван проводил взглядом щуплую фигуру, ящерицей скользнувшую в люк. Прикрыл глаза.

На вахту... Итак, послаблений не будет. А что, все правильно: серьёзных повреждений Бастиан ему не нанёс – синяки не в счёт – значит, способен работать как все.

Эрван чертыхнулся про себя. Он был уверен: теперь Бастиан не спустит с него глаз. Если он, Эрван, начнёт скулить и жаловаться – заработает репутацию слабака и нытика. Боцман утвердит над ним своё превосходство, и остальные дни на «Горностае» превратятся для Эрвана в настоящий ад.

Если же он, Эрван, сорвётся, нагрубит или, паче чаяния,

бросится на боцмана – окажется в кандалах за неповиновение. А то и за борт полетит – обвинят в попытке мятежа, и все! Как там этот гад распинался: «Я для вас бог, а бог – это я»?

И деться некуда, и что делать – неясно...

– Кхм...

Погрузившись в невесёлые мысли, Эрван не сразу понял – он уже не один. Повернул голову на звук.

В шаге от него стоял незнакомец: потёртый камзол мышинного цвета, скрадывающий очертания фигуры, белоснежный воротник, а над ним – бледное пятно лица, словно парящее в полутьме отдельно от тела.

– Как вы, молодой человек? – Тихий голос незнакомца прошелестел как пыльный шёлк.

– Спасибо, доктор, нормально.

Хоть Эрван и узнал о существовании Лоэ всего пять минут назад, ошибиться было сложно: так мог обращаться только врач.

– Позвольте усомниться. Вы не очень хорошо выглядите. Морская болезнь, я полагаю?

Доктор склонился над гамаком: серые, под стать костюму, глаза блеснули в сумраке.

Эрван почёл за лучшее не отвечать. Повисла неловкая пауза.

Лоэ выждал несколько секунд. Затем нахмурил тонкие

брови и, не обращая внимания на пассивность пациента, взял Эрвана за кисть. Цепкие жилистые пальцы крепко обхватили запястье, Эрван почувствовал биение жилки под чужой жёсткой рукой.

Пока Лоэ считал пульс, Эрван воспользовался моментом, чтобы как следует рассмотреть врача: теперь, когда Лоэ наклонился достаточно низко, Эрван ясно видел нездоровую, пергаментного цвета, кожу, острый как ледоруб нос с широкими крыльями ноздрей, высокие, туго обтянутые кожей скулы. В редяющих тёмных волосах кое-где белела седина.

– Не тошнит? Голова не кружится? Ладно. Похоже, общее самочувствие более или менее в порядке.

Лоэ пожевал губами – видно, подбирал слова.

– Что до остального...

Он небрежно достал из кармана пузатый флакон.

– Надеюсь, вам это не пригодится.

Эрван без труда уловил сомнение в голосе доктора. Тоскливо кивнул: пригодится, ещё как... Он открыл склянку, осторожно понюхал: запах приятный, не жгучий – похоже на смесь мяты и пряностей.

– Не вздумайте пить! Это наружное, – с лёгкой усмешкой произнёс Лоэ, – втирать при необходимости.

Цепкий взгляд:

– Кстати, о необходимости: вы помните, что имеете право обратиться непосредственно к капитану, скажем так... в особых случаях?

Эрван кивнул.

– Не хотите им воспользоваться?

Эрван мотнул головой.

– Что ж, ваше право.

Доктор направился к лестнице из трюма. Поставил было ногу на ступеньку... Замер.

– Кхм. Не знаю, в курсе вы или нет, но я вообще-то человек не военный. Врачебный договор и всё такое... Происходящее на палубе напрямую меня не касается. Но всё же...

Лоэ смотрел не мигая, слегка наклонив голову, будто диковинная тонконогая птица. Это смотрелось бы забавно – если б не жёсткий тон и ледяной взгляд.

– Позвольте напомнить: любая ситуация имеет решение. То или иное. Более того: любая ситуация всегда решается. Так или иначе. Ваш выбор в одной ситуации был... не оптимальным. И нынешнее положение вещей – тому подтверждение.

Глаза доктора блеснули в полумраке.

– Обдумайте все как следует. И на этот раз – постарайтесь не ошибиться.

Эрван проводил доктора задумчивым взглядом.

Жизненная ситуация, значит... Ну, тут много размышлять не надо: лекарь подразумевал историю с Бриантом и гауптвахту накануне выпуска – это ясней ясного. И что дальше?

Эрван вытянулся в гамаке, осторожно пристроил руки под голову.

А дальше все просто: Бастиан считает его опасным смутьяном, почти каторжником. За дисциплину на борту отвечает боцман – и для её поддержания все средства хороши. Поэтому и преподал урок, как только случай представился. Жестокий урок, чего уж там... И не последний. Эрван выдохнул сквозь зубы: боль мало-помалу возвращалась.

Ладно, с этим ясно: боцман захочет его сломать, задавить волю к сопротивлению, подчинить себе.

Эрван угрюмо усмехнулся.

Ну, это он зря... Одних побоев маловато будет – проходили. С другой стороны, храбрись не храбрись, а главный вопрос остаётся – что делать-то?

Делать-то – что?!

Эрван осторожно, стараясь не потревожить шишку, почесал затылок. Нахмурился.

Первый вариант, самый очевидный – пойти к капитану. Вот и Лоэ советовал... Нет! Не годится. Во-первых, что он скажет? «Спасите-помогите, мне синяков наставили»? Хороша картинка! Во-вторых, что капитану до проблем какого-то сопляка? Отправит к боцману – пусть он решает. А уж тот решит, можно не сомневаться.

Эрван хмыкнул.

Ладно, нет так нет. Что ещё остаётся? А остаётся одно: терпеть. И ждать. Рано или поздно боцман поймёт, что оши-

бался, – и отстанет. Наверное...

Эрван зашипел, отдёргнул руку: потревожил-таки шишку, дурень! Надо привыкать, таких украшений ещё много будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.